

июнь 2019

журнал
Никиты Михалкова

Своя

Ю. ЛАВРУХИН. ОБОРТ «ПУШКИН», 1999

**Классик
против
пошлости**

Все в нем гармония

«Блажен,
кто крепко словом правит...»

К Пушкину на именины

Его небесный покровитель —
Александр Константинопольский

**«Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет»**

Измайлово в Коломенском

В Московском государственном объединенном музее-заповеднике, в Малом выставочном зале Дворца царя Алексея Михайловича (территория «Коломенского»), работает выставка «Измайлово глазами художника».

На ней представлены работы последователя реализма в искусстве, мастера исторической живописи и знатока исторических древностей Виктора Маторина. Экспозиция чрезвычайно гармонично сочетается с музейными предметами XVII–XIX веков.

Здесь можно увидеть множество артефактов, относящихся к зодчеству Московской Руси XVII столетия: уникальную коллекцию предметов резного белого камня, изразцов, причудливых фигурных кирпичей из фондов музея-заповедника. Бережно сохраненные в стенах музея экспонаты позволяют восстановить в

миниатюре исторический облик Измайлово и Москвы XVII века. Иконы и медная пластика из музейного собрания дополняют этот предметный ряд.

Выставка знакомит посетителей с одной из наиболее примечательных территорий Московского государственного объединенного музея-заповедника, богатым историческим прошлым и неповторимой красотой Измайлово.

Адрес выставки: ст. м. «Каширская» (последний вагон из центра), проспект Андропова, д. 39, стр. 69.

ежемесячное приложение
к газете «Культура»

июнь 2019

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя Классик против пошлости	30–33	Родная лира О своей любви пробалалаю Вышла родом из народа
3–7	Русский гений Все в нем гармония	34–37	Война и мир Тайны операции «Оверлорд» Почему союзники открыли второй фронт только в 1944 году
8–11	Символ веры К Пушкину на именины	38–42	Родное слово Вдовствующая королева Ахматова без юбилейного глянца
12–15	Наш Крым Все полно тайн и тишины и вдохновений сладострастных В Ханском дворце Бахчисарая началась реставрация	43–47	Стоп-кадр Фрекен Татьяна Самая русская бабушка СССР
16–19	Книжная палата	48	Трапезная Котлета с секретом
20–25	Великие реалисты Крестьянская рапсодия Константин Савицкий — творец, просветитель, заступник		
26–29	На семи холмах Как звучат эпохи От Глинки до Шнитке		

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Ксения Позднякова, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел распространения: +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (495) 662-7222

«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

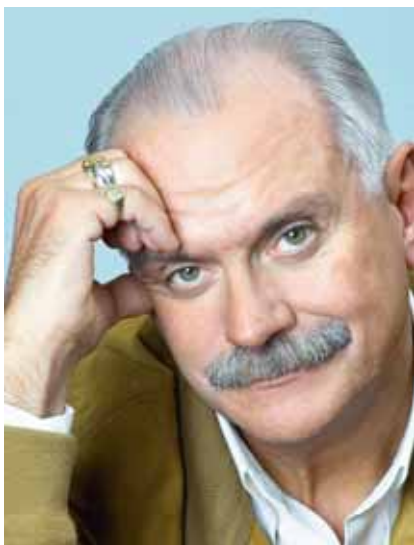
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 3771/19

Тираж 40 155

Подписано в печать 20 мая 2019 г.

Классик против пошлости

В эпоху интернета и телевидения, пребывая постоянно «в онлайн-режиме», мы, жители XXI века, вольно или невольно теряем многое из того, что еще пару-тройку десятилетий назад составляло суть нормального человеческого общения. К примеру, как часто соотечественники пишут искренние, проникновенные письма родным, близким, выражают нахлынувшие чувства в стихах, любовных записках?.. Мне не раз приходилось слышать, что нынешние времена — самые пошлые и циничные из всех, о которых мы доподлинно знаем. Возможно, это не так, а если бы и было правдой, то у Ивана Ильина есть на сей счет очень верная мысль: «Никогда не жалуйся на время, ибо ты для того и рожден, чтобы сделать его лучше».

Недавно, в авторской программе «Бесогон», я обратил внимание зрителей на те безобразия, которые происходят на российском телевидении, а точнее, на всевозможных ток-, реалити- и прочих подобных шоу. Конечно же, проблема далеко не нова, но лично у меня и многих моих единомышленников возникло стойкое ощущение: уровень распущенности, накала злобы, остервенения там год от года поднимается все выше и выше.

В июне наша страна отметит 220-летие со дня рождения главного русского гения, и наверняка сотрудники большинства каналов на юбилей так или иначе откликнутся. Интересно, как будут сочетаться сюжеты, посвященные Александру Сергеевичу, с транслируемыми на всю Россию «семейными» и прочими сварами, склоками, площадной бранью, рукоприкладством. А может, организаторам ток-шоу надо довести культивируемый ими абсурд до «совершенства»? Скажем, одну из очередных похабных сцен — где участники истошно вопят и рвут друг другу волосы — сопроводить титрами с двустушием «И долго буду тем любезен я народу, что ЧУВСТВА ДОБРЫЕ я лирой пробуждал», а обсуждение скелетов в шкафу давно почивших, но все еще очень популярных в народе знаменитостей наглядно дополнять цитатой из письма к Вяземскому: «Врете, подлецы: он и мал, и мерзок — не так, как вы — иначе».

Некогда мне довелось читать на радио пушкинский «Выстрел» — рассказ с простенькой фабулой и далеко не самым лихо закрученным сюжетом, однако эта работа, как ни странно, потребовала чрезвычайных усилий. Во время чтения я был вынужден не однажды прерываться, дабы взять себя в руки, успокоиться, снять глотком воды перехвативший горло спазм, смахнуть внезапные и, казалось бы, совершенно неуместные в такой ситуации слезы — столь сильный эффект оказывала музыка слова, грустная, возвышенная, пронзительно-сентиментальная, исполненная сдержанной патетики и благородства.

Пушкин привнес в Русский мир гармонию, затронул глубинные сферы нашего бытия — те, что связаны с культурой, историей, традициями; оставил нам бесценное наследство, позволяющее ощущать себя нацией поэтов, философов, художников, творцов. Он, как никто, воздействовал на наши души и сознание. Разве вправе мы все это подменить бесконечной демонстрацией на публике вещей, которые люди во все века старательно прятали от посторонних?

Не призываю что-либо запрещать, просто высказываю пожелание: пусть в нашей жизни будет больше Пушкина, нежели условного «Дома-2».

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name of the author, written in a cursive style.

Н. РЕПИН. «ПУШКИН». 1976

Все в нем гармония

С тем, что Александр Сергеевич Пушкин является творцом современного русского языка, соотечественники в большинстве своем слышаны. Однако подробности, касающиеся этого великого дела, до сих пор остаются, по сути, лишь предметом узкопрофессионального изучения. Не забираясь в дебри научного языкознания, постараемся вникнуть в общих чертах в принцип, причины и обстоятельства, предопределившие возникновение нашей уникальной словесности.

Сергей Алдонин

И так понятно

*Тогда блажен, кто крепко словом правит
И держит мысль на привязи свою...*

В этой паре строчек — из «Домика в Коломне» — заключены, во-первых, кредо великого поэта, а во-вторых, универсальный ответ на многие важные вопросы бытия, включая сугубо филологические. Какой-нибудь современный умник может запротестовать: как же так, зачем здесь «тогда», если по смыслу напрашивается, допустим, «лишь тот»; мол, использованное Александром Сергеевичем указательное наречие ни один теперешний литератор не стал бы употреблять в таком значении...

Магия его поэзии такова, что любое выбранное им слово уместно. Все ведь и так понятно, не правда ли? С другой стороны, на этом наглядном примере мы видим, как шел процесс развития самобытного феномена, который Владимир Даль, составляя свой знаменитый словарь, назовет «живым великорусским языком».

*Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!..*

Не вспомнить эти строки, возвращаясь после долгой разлуки в Белокаменную, почти невозможно: формула — на все времена, более гармоничного сочетания слова и мысли нельзя и представить. Пушкин властвовал над русской речью.

«Все в ней гармония, все диво», — написал он в альбом Елене Завадовской, но это определение можно считать исчерпывающей характеристикой его литературы — могучей, основополагающей, устремленной в вечность. У него есть строки на каждый случай, созвучные с любым настроением. Хотя сам поэт, судя по его обширнейшей переписке, был горячим сторонником детального и остроумного обсуждения всего и вся, в том числе собственной лаборатории по созданию «живого великорусского». Загадки Пушкина требуют подробного, заинтересованного разговора и даже спора.

ФОТО: ЯРИН/РИА НОВОСТИ

Книги, которые читал поэт. Государственный музей А.С. Пушкина на Пречистенке

В. ЗВОНЦОВ. «А.С. ПУШКИН НА СОРОКТИ», 1958

Хрестоматийный, ставший банальным эпитет «солнце нашей поэзии», появился не случайно, и это не просто высокопарный комплимент. Автор фразы Владимир Одоевский уловил ключевое свойство пушкинского гения, далеко не сумрачного, отнюдь не грозного — светлого и человеческого. Ему не свойственны истошные стенания, беспросветная трагичность, в его стихах столько непринужденности, что за рифмами, афоризмами, риторическими фигурами проступает всеми узнаваемая, притягательная интонация. И старинный поэт становится для нас любимым собеседником.

Вся его жизнь давно воспринимается как отдельное многотомное произведение, где всякий эпизод связан с вереницей талантливых строк, чередой сторонних пересудов и трактовок. А мы привычно мыслим его словами и образами, и в этом — завидная участь русского человека, который получил богатейшее наследство, включающее в себя главное сокровище — ЯЗЫК, инструмент и творение великого писателя.

«Являться муза стала мне»

Собственное призвание он ощутил рано. Оказавшись в Царскосельском лицее, юный Пушкин уже не сомневался в своем грядущем поприще, Вольтера, Парни и Данте почитал как собратьев по перу. Его громкий литературный дебют вошел в легенду, которую сам поэт набросал в «собранныи пестрых глав»:

*В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: муза в ней
Открыла пир младых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.
И свет ее с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.*

Никто до него не рассказывал о себе столь откровенно и так просто — без пышных аллегорий, витиеватых иносказаний. Это — почти мемуары и в то же время высокая поэзия. Тогда, на лицейском экзамене, Державина восхитили «Воспоминания в Царском Селе». Те стихи юноша сочинял по настоянию преподавателей, без особого внутреннего пыла, по заказу, специально для сановитого гостя. Резво поупражнялся в подражании поэтам екатерининского века, к которым в общем-то относился без особого пиетета. Но как легко лилась его панегирическая речь. Гаврила Романович, как вспоминал много лет спустя Пушкин, «был в восхищении... хотел обнять». Произведшего фурор ученика «искали, но не нашли».

Они по-русски плохо знали

Русское слово к тому времени уже было прославлено Ломоносовым, видевшим в нем «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков». И тем не менее Александр Сергеевич в литературе — последовательный антиломоносовец. Великого помора он почитал как просветителя, но решительно не принимал его ямбов. Такая поэзия представлялась ему слишком помпезной, чересчур дидактичной: «В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности — вот следы, оставленные Ломоносовым».

Вряд ли можно объяснить те строки жадной ниспровергательства — отталкиваясь от прежнего кано-

на, Пушкин создавал новый литературный мир. И в чем-то ему было труднее, нежели просветителям времен Елизаветы и Екатерины: в те заповедные годы дворяне хотя и увлекались уже напропалую западной модой, думали и говорили, как правило, по-русски. И, служа трону с оружием в руках, часто и подолгу находились среди солдат, то есть крестьян. Только к концу екатерининского царствования армейская служба стала для аристократов не обязательной, а их погруженность в «европейский контекст» удесятерилась. Особенно опасной оказалась галломания. Французская культура покорила наших дворян, представлялась им самой утонченной, изысканной. Причем отношения России и Франции испортились задолго до взятия Бастилии, а после революции к нам хлынули напуганные mesdames et messieurs, а также их слуги. К началу XIX столетия сложилась критическая ситуация: наша знать стала безнадежно франкоязычной. Ее мало интересовали мудрые народные пословицы, русские песни, отечественная литература. Хватало галльского остроумия, а родная речь превращалась в диалект простонародья. В «Евгении Онегине» весьма показательна характеристика Татьяны, любимой героини Пушкина:

*Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалась с трудом
На языке своем родном...*

Конечно, здесь имеется в виду не русский устный (его Татьяна, судя по всему, худо-бедно знала, во многом благодаря няне), а письменный. Свое высокое служение Пушкин видел в том, чтобы отечественная литература приохотила сограждан к родной речи.

Он сетовал с досадой: «Прекрасный наш язык под пером писателей неученых и неискусных быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и

каждого». Его уязвляла оторванность речи образованного класса от народной культуры. В пушкинских письмах рассыпаны горестные восклицания, наподобие: «У нас нет еще ни словесности, ни книг».

Вообще-то каждый из реформаторов языка старался прислушиваться к народному говору. Пушкину при этом удавалось не фальшивить, ни в чем не перебарщивать. Для понимания его интереса к «мужицкой» лексике крайне важно такое суждение: «Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава Богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвириям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком».

«Чистый» язык» проявился во многих его произведениях. Прежде всего, пожалуй, в «Капитанской дочке». Не случайно в повести так много пословиц, начиная с ключевой — «Береги честь смолоду». Нельзя не вспомнить и другой отрывок: «Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и

беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка». Дело тут не столько в наставительной сути изречения, сколько в том, какие слова подобрал Пушкин, писавший от первого лица. Это одновременно и очень грамотная речь, и по-мужицки простая.

Любители против бездельных людей

Когда он ворвался в национальную литературу, в московских и петербургских салонах разгорелись споры архаистов и новаторов. Предметом жаркой полемики оказался язык. Штабом первых считалось общество «Беседа любителей русского слова», которое собиралось в Петербурге, во дворце Гавриила Державина. Вторые, поклонявшиеся Карамзину, объединились в «Арзамасское общество безвестных людей» (разумеется, лукавое название было частью литературной игры: «арзамасцы» предпочитали иронический, карнавальный стиль). Впрочем, такое разделение на «староверов» и «прогрессистов» довольно условно, несмотря на то, что в «Арзамасе» царила любовь к

ФОТО: СЕРГЕЙ МАЛЫГВКО/РИА НОВОСТИ

французской словесности, а участники «Беседы» искали правду в славянизмах. «Сей древний, первородный язык остается всегда воспитателем, наставником того скудного, которому сообщил он корни свои для разведения нового сада», — провозглашал адмирал Александр Шишков.

Пушкин примкнул к «Арзамасу», в котором среди прочих состоял его дядюшка-поэт Василий Львович, однако в своем зрелом творчестве Александр Сергеевич переосмыслил и архаистов, и новаторов, отказавшись от крайностей. Он не чурался заимствований, хотя карамзинская манера копировать заморскую лексику с грамматикой его не устраивала. Односторонний взгляд на словесность считал слабостью для писателя. У французов, прежде всего у Вольтера, которого полюбил в отрочестве, учился ироническому отношению к событиям и явлениям. В свое время Екатерина II приобрела библиотеку Вольтера. Та хранилась в Эрмитаже, как сказали бы сегодня, под грифом секретности. Николай I позволил Пушкину — своему историографу — познакомиться с книгами и рукописями «французского циника». И это было упоительное чтение, но отнюдь не повод изменять исконно русским началам.

«В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее всех раздвинул ему границы и более показал все его пространство», — это слова Гоголя. Высказывание Николая Васильевича не принижает нашу допушкинскую литературу, колоритную, мудрую, темпераментную, — сочинения Аввакума и Державина, Крылова и Карамзина... Они были учителями, составляли круг чтения, сферу ассоциаций. В первых строках «Евгения Онегина» автор сознательно цитирует басню Крылова, сам строй «свободного романа» напоминает державинское «Видение мурзы», Карамзин же был непосредственным учителем — особенно в прозе. Пушкин объединил всех, а точнее, все лучшее. Разнообразие его приемов поражает. Внутренний артистизм позволял поэту вживаться и в европейский средневековый антураж, и в древность западных славян. Достоевский назвал это «всемирной отзывчивостью», но в основе всех литературных открытий Александра Сергеевича — ощущение Родины, восторг перед стихией русской речи. Чем внимательнее Россия вчитывалась в пушкинские стихи, тем усерднее училась говорить на родном языке. Пушкин научил нас думать по-русски.

Дар поэта не в последнюю очередь заключается в умении ощущать оттенки каждого слова. Александр Сергеевич не боялся ни высокопарных славянизмов, на которых шел войной Карамзин, ни явных заимствований из французского. Частенько вводил в стихотворный строй просторечия, которые многим современникам казались вульгарными. Филологи подсчитали: словарь Пушкина (естественно, речь идет о литературном наследии) составляет более 21 000 слов.

В Государственном музее А.С. Пушкина на Пречистенке

ФОТО: СЕРГЕЙ ПЯТАКОВ/РИА НОВОСТИ

Это — целый мир, насыщенный самыми разными оттенками и полутонами.

Одно из превосходных качеств пушкинской натуры — единство мыслей и чувств как в творчестве, так и в повседневном общении. Вот небольшой отрывок из письма к жене, почти устная речь: «Грустно мне, жена. Ты больна, дети больны. Чем это все кончится, бог весть. Здесь меня теребят и бесят без милости. И мои долги, и чужие мне покоя не дают. Имение расстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались и на меня напали. То — то, то другое». Продолжение грустной и обаятельной перемолвки — в шедеврах поздней лирики:

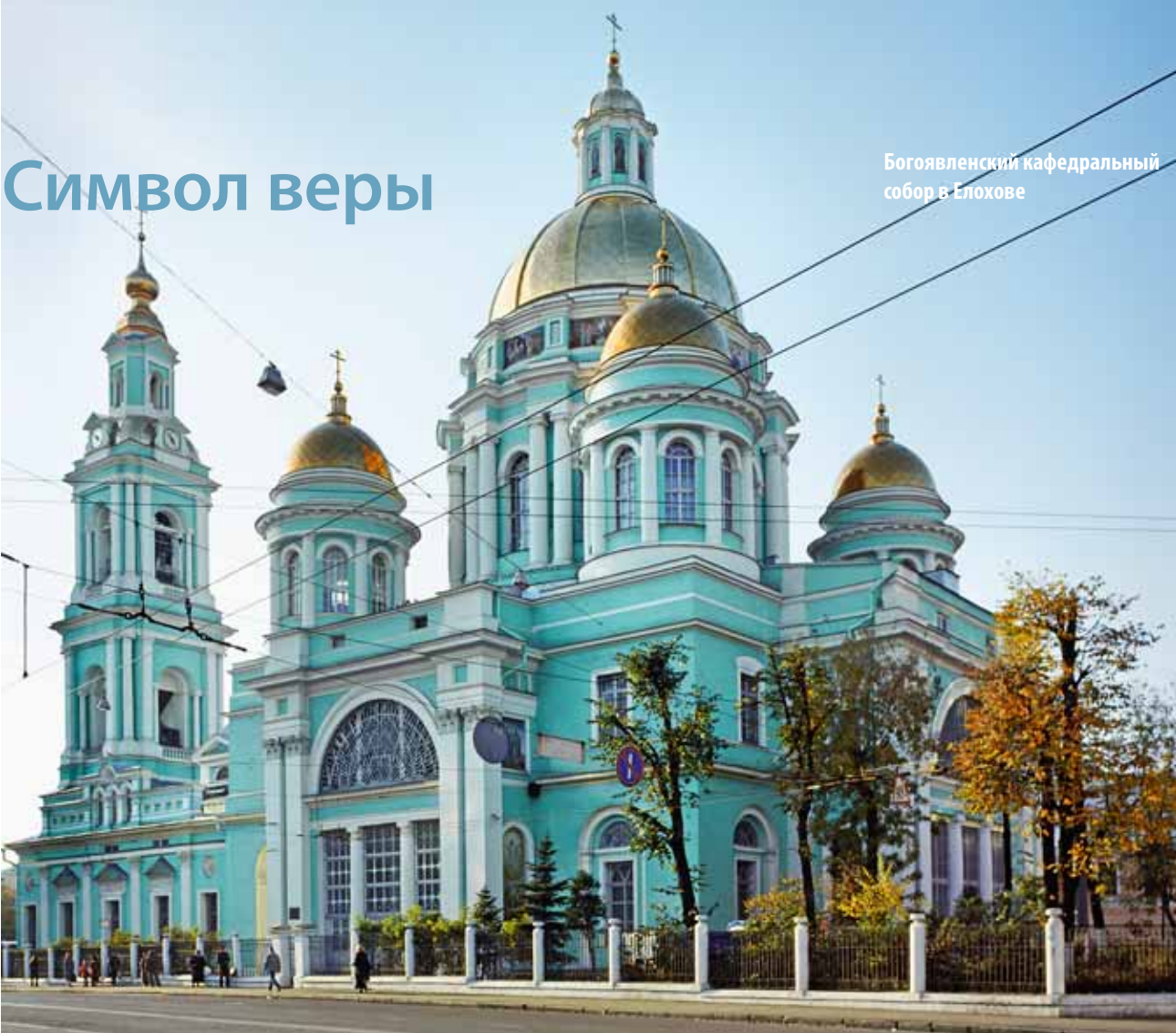
*Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз — умрем...*

Написано — как сказано, столь же непринужденно, без оглядки на трагическое величие темы, словно к адресату стихотворного послания обращается не поэт-демиург, а обычный собеседник. Поэтому мы не только говорим, но и мыслим с его интонациями. Пушкинский язык — действительно живой, не догматический. Над неистовыми ревнителями раз и навсегда установленных правил великий поэт посмеивался: «Как уст румяных без улыбки, без грамматической ошибки я русской речи не люблю».

Правильность ударений и спряжений — это немало важно, но куда важнее интонация. Сегодня она исчезает на наших глазах под напором американской «жвачки», которую перенимают телеведущие, певцы, актеры, а вслед за ними и миллионы молодых людей.

Мы все еще не пустили по ветру наше главное сокровище — язык великой литературы. Пушкинское слово стоит на страже единства нашей страны, и чтобы это понять, достаточно вспомнить, как страшатся влияния на умы русской речи враждебные по отношению к России политиканы.

Кстати, в политике, причем во всех ее видах и проявлениях, Александр Сергеевич тоже знал толк. Но это уже совсем другая тема.

К Пушкину на именины

Андрей Самохин

Главные вехи биографий русских православных людей всегда были схожими: родился, крестился, венчался... У Александра Сергеевича Пушкина эти ступени судьбы ведут внутрь знаковых для нас святыниц: Елоховскую Богоявленскую церковь и храм Вознесения Господня в Сторожах в Москве.

Что в имени его

Родился будущий поэт, как считают многие литературоведы, вечером дня Вознесения Господня, 26 мая (здесь и далее по старому стилю). Не зря этот двенадцатый праздник Пушкин всю жизнь выделял особо, мечтая построить в селе Михайловское Вознесенский храм.

По церковному правилу, дети, появившиеся на свет после захода солнца, записывались следующим днем, поэтому в метрической книге датой рождения младенца значится «мая 27».

На тринадцатый день безымянный для истории и, видимо, не шибко грамотный дьячок церкви Богоявления, что в Елохове, — туда принесли новорожденного, — составил положенную запись: «Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильева Скварцова у жилца ево

ФОТО: МИХАИЛ ОЗЕРСКИЙ/РИА НОВОСТИ

К. де Местр (?). Пушкин – ребенок. Миниатюра

моэора Сергия Львовича Пушкина родился сын Александр крещен июня 8 дня восприемник граф Артемий Иванович Воронцов кума мать означеннаго Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина».

В честь кого назвали младенца? На сей счет есть разные мнения. Возможно, таким образом почтили двоюродного брата матери поэта — Александра Юрьевича Пушкина. Последний даже подтвердил это в своих записках: «Сергей Львович нанял в Москве дом... близ Немецкой слободы, где в 1799 г. родился у них сын Александр. Наш полк был в то время в походе, где я и получил от сестры письмо, что на память мою он назван Александром».

По другой версии, своим славным именем гений обязан прадеду по отцовской линии Александру Петровичу.

Есть и «батальная» линия, которую высказал «Своему» известный пушкинист, кандидат исторических наук, доктор искусствоведения Виктор Листов.

— Пушкин родился в тот день, когда фельдмаршал Суворов взял Турин. Позже Александр Сергеевич постоянно помнил об этой дате, указывал на не случайную перекличку имен. Он был тезкой трех великих Александров — Македонского, Невского, Суворова, чем немало гордился. Все попытки повоевать тоже были связаны с данным обстоятельством — то стремился в Арзрум, то хотел пойти в гусары...

При всем при этом едва ли стоит выделять кого-либо как единственного «дарителя» имени — оно было наследственным для рода Пушкиных.

Другое дело — выбор небесного заступника, который у всякого православного один-единственный. Ребенка называли обычно по святым, в честь угодника

Божия, чтимого в этот или ближайшие по рождению младенца дни.

«Что в имени тебе моем?» — философски вопрошал поэт в своем стихотворении. Однако к тому, как зовут его небесного покровителя, Пушкин относился весьма серьезно. В рецензии на изданный в 1836 году «Словарь исторический о святых, прославленных в российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местночтимых» Александр Сергеевич специально заметил: «Есть люди, не имеющие никакого понятия о житии того Св. угодника, чье имя носят от купели до могилы и чью память празднуют ежегодно. Не позволяя себе никакой укоризны, не можем по крайней мере не дивиться крайнему их нелюбопытству».

При этом жене он написал однажды несколько странную фразу: «Буду ежегодно праздновать родины и крестины сверх положенных именин». В чем тут загадка?

Сегодня исследователи твердо установили: небесным покровителем Пушкина стал, как и заведено, ближайший после его рождения поминаемый церковью святой — Александр Константинопольский, архиепископ. День памяти праведника отмечался 2 июня. Доподлинно известно, что в семье будущего великого поэта праздновали его именины как раз в эту дату. Поэтический наставник и друг Василий Жуковский 1 июня 1824-го отправил Пушкину письмо со словами: «Ты со-

здан попасть в боги — вперед. Крылья у души есть! Вышины она не побойтся... дай свободу этим крыльям, и небо твое... Завтра же твой Ангел». А первый биограф гения Петр Бартнев подчеркнул: 2 июня — «память Александра, архиепископа Константинопольского».

Прежде пушкинистов смущал «ребус»: почему друзья поздравляли поэта с именинами в конце августа? К примеру, Петр Плетнев 29 августа 1825-го писал Александру Сергеевичу: «Не именинник ли ты завтра? Поздравляю тебя и целую». Долгое время считалось, что крестили его в честь благоверного князя Александра Невского, память которого отмечалась как раз 30 августа. Еще больше запутывало исследователей то, что тогда же чествовался еще один великий русский святой — преподобный Александр Свирский. Но при этом чтилась в предпоследний день лета и память жившего в IV веке Александра Константинопольского.

Разгадала загадку член Союза писателей России Лариса Черкашина. Суть в том, что 30 августа — дата прославления константинопольского иерарха. 2 июня его память по церковному календарю тоже отмечалась, потому и праздновал

свои именины поэт дважды. Причем во второй раз особую торжественность событию придавало чествование двух других Александров. Можно, наверное, осторожно предположить, что все трио святых покровительствовало Пушкину, внося свои важные ноты в симфонию его жизни. Первый некогда заставил онеметь языческого, оспаривавшего воскресение Христа философа, являлся непреклонным борцом с арианской ересью. Второй спас Святую Русь от окатоличивания и покорения Западом. Третий удостоился, как Авраам, видения Святой Троицы и построил замечательный монастырь.

Куда повесить табличку?

Москва как место рождения великого поэта появилась в жизнеописаниях уже после его гибели. При жизни — в «Опыте краткой истории русской литературы» (1822) — Николай Греч сообщал публике, что Александр Сергеевич родился в Петербурге. Примечательно, что поэт не счел нужным опровергать данные «сведения» и, возможно, даже слегка забавлялся мистификацией.

О том, что родина Александра Сергеевича все же Первопрестоль-

ная, общество узнало из «Словаря достопамятных людей русской земли» Дмитрия Бантыш-Каменского в 1847 году. Наконец, незадолго до установки знаменитого опекушинского памятника, в 1879-м, один любознательный студент Московской духовной академии нашел в метрической книге церкви Богоявления в Елохове нужную запись и опубликовал ее в своей статье с краткой биографией поэта в журнале «Русская старина».

С домом, где солнце русской поэзии начало восходить, долго была неразбериха. Сперва таковым сочли флигель усадьбы Головкиной (ныне — ул. Бауманская, 57), к торжествам, приуроченным к открытию монумента, спешно установили там мемориальную доску. Но уже при новом режиме, в 1927-м, ее перевесили на дом № 42 по той же улице, а затем еще раз — на соседнее здание с номером 40. Там, на стене школы № 353, она и висит до сих пор. Рядом в 1967 году установили бюст юного Пушкина на каменном постаменте. Увы, и эта «мемория» оказалась ложной.

В 1980-м столичный инженер, увлекавшийся москвоведением и архивистикой, Сергей Романюк обнаружил документы, свидетель-

Церковь «Большое Вознесение» в Сторожах

ствующие о том, что упомянутый в пушкинской метрике Иван Скворцов в мае 1799-го владел двором на углу Малой Почтовой и Госпитального переулка. Дом безвозвратно сгорел в пожаре 1812 года, сейчас там перекресток и трамвайные рельсы. Так что устанавливать правильную табличку и сегодня в общем-то некуда.

«Пора! в Москву, в Москву сейчас!»

Первопрестольная всегда оставалась для Пушкина не только местом рождения, но и духовной родиной. Свою любовь к древней столице он выразил чрезвычайно внятно и многократно. Например, так: «Но вот уж близко. Перед ними уж белокаменной Москвы, как жар, крестами золотыми горят старинные главы. Ах, братцы! как я был доволен, когда церковей и колоколен, садов, чертогов полукруг открылся предо мною вдрут!»

Сады и колокольни Лефортово и Басманной открывались перед его взором часто. Семья Пушкиных была «кочевая» и в первые годы Александра переменяла много домов. По этой причине и Немецкую слободу как место раннего, безмятежного детства он не мог запомнить сколько-нибудь отчетливо: вскоре после его рождения семья уехала в псковское имение и вернулась в Белокаменную уже в совсем иной район.

Зато потом Александр Сергеевич не раз сюда навещался. Даром что эта окраина Белокаменной при всей своей патриархальной тишине, сонливой неспешности считалась в ту пору весьма престижным аристократическим районом. В архивах сохранилось описание района Басманной начала XIX столетия: «4 квартала, 10 больших улиц, 10 приходских церковей, 2 рынка, 81 домовая лавка, 391 дом, из коих две трети деревянные, 45 прудов, 11 огородов, 227 фонарей, число жителей 6092». Здесь посреди лабиринта переулков и садов стояли особняки

московской знати с балными залами и частными театрами. А на взгорке, радостно поблескивая крестами, возвышался с виду скромный, но уже довольно представительный Богоявленский храм, перестроенный в начале XVIII века из небольшой церквушки бывшего села Елох.

На стене прославленного Богоявленского кафедрального собора в Елохове висит еще одна мемориальная табличка, информирующая, что именно здесь поэт был крещен.

— Это произошло тут, — с привычной готовностью подтверждает настоятель храма, протоиерей Александр Агейкин, — тогда тут была пристроенная к церкви трапезная, а ныне и уже очень давно — Благовещенский придел. Установить, где именно стояла купель, конечно, невозможно. Представители семьи Пушкиных стали прихожанами нашего храма незадолго до рождения великого поэта. А восприемниками от святой купели стали, как мы знаем из метрики, бабушка Ольга Сергеевна, урожденная Чичерина, и внук замученного при Бироне министра Артемия Волынского, граф Артемий Воронцов. Его жена Прасковья, урожденная Квашнина-Самарина, приходилась двоюродной сестрой Марии Ганнибал, другой бабушке новорожденного. Дом, где поселились Пушкины, был приписан к Елоховской церкви. Несли ли сюда младенца на руках, или ехали с ним в карете, сказать сложно: расстояние от жилища до храма составляло лишь несколько сотен метров. А вот дом его дяди Василия Львовича находился несколько дальше, на Старой Басманной, и был приписан к церкви Великомученика Никиты. После смерти дядюшки Александр Сергеевич приезжал на его отпевание и молился там. Наверняка зашел, будучи рядом, и в храм, где его крестили.

В Басманном районе — в особняках Муравьевых-Апостолов, Голицына, Мусина-Пушкина — он не

раз бывал на дружеских встречах и балах. Можно предположить, что не забывал заглядывать и в Елоховский храм. Последний, кстати, был перестроен из кирпича, лично подаренного приходу Петром I, а руководила работами племянница царя Прасковья Ивановна. Так что в нашу церковь Пушкина могла влечь не только память о важном личном событии, но и петровская старина, которой он весьма интересовался.

По словам настоятеля, этот храм и этот район оставались тесно связанными с Александром Сергеевичем и через век, и через два после его рождения. Например, торжества по поводу столетия со дня рождения Пушкина начались в Москве с панихиды в Елоховской церкви, которую совершил будущий священномученик, в то время митрополит Московский Владимир (Богоявленский). В службе принимала участие его духовная дочь, великая княгиня Елизавета Федоровна. Ее, основательницу Марфо-Мариинской обители, после революции также замучили большевики.

— В день кончины поэта в феврале здесь ежегодно служат по нему панихиду, на которую собираются и потомки Александра Сергеевича, и видные пушкинисты, — говорит отец Александр. — В библиотеке имени Пушкина вслед за панихидой ежегодно проводились чтения и памятные вечера. Относительно недавно эта традиция, к сожалению, прервалась...

Выходя из Елоховского собора, оглядываясь на то место, где когда-то стоял первый дом Пушкина, понимаешь, почему они навсегда остаются для нас священными. И лучше нашего великого поэта об этом, конечно же, при всем желании не скажешь:

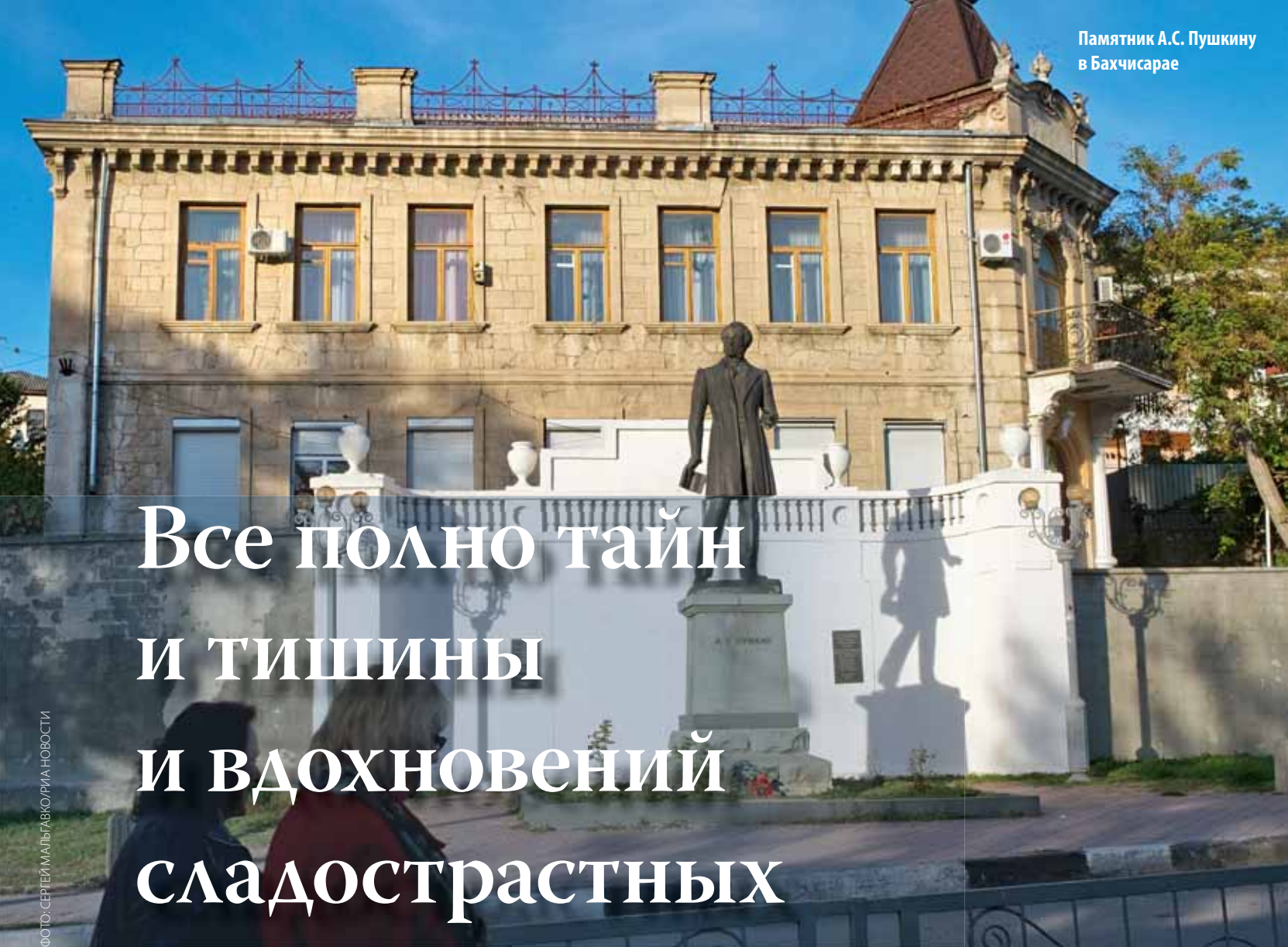
Животворящая святыня!

Земля была б без них мертва.

Без них наш тесный мир —

пустыня,

Душа — алтарь без божества.

Все полно тайн и тишины и вдохновений сладолюбивых

ФОТО: СЕРГЕЙ МАЛЬГАВКОУРИА / НОВОСТИ

Виктория Пешкова

Ханские чертоги в Бахчисарае — единственный из дошедших до наших дней памятник средневековой крымско-татарской дворцовой архитектуры. За четыре столетия ансамбль не раз перестраивался и ремонтировался, чтобы соответствовать вкусам очередного властителя. Но в течение трех последних десятилетий обреченный небрежением властей дворец на пределе сил сопротивлялся разрушительному натиску времени. Только после возвращения Крыма в состав России на территории дворцового комплекса были начаты масштабные реставрационные работы.

Что движет гордою душою?..

Крымское ханство, один из многих осколков некогда могущественной Золотой Орды, дольше остальных просуществовало в качестве самостоятельного государства. Его основатель и первый правитель Хаджи-Гирей I вел свой род от старшего сына Чингисхана — Джучи, чьи потомки передавали друг другу власть над Крымским улусом. После развала «метрополии» яростно отстаивавшему независимость наследственной вотчины хану было недо-

суг строить укрепленную столицу на пустом месте. Он избрал в качестве резиденции древнюю крепость Кырк-Ер, возведенную в VI веке византийцами над глубоким ущельем.

После смерти хана власть досталась его шестому по счету и первому по амбициозности сыну — Менгли-Гирею I. Новому властителю потребовался и новый дворец, и столица под стать. Благо под рукой оказались мастера, способные исполнить задуманное: он целый год удерживал итальянских архитекторов, в числе которых был Алевиз Новый, направлявшихся в Москву по приглашению государя Ивана III. Так возник Девлет-Сарай.

О роскоши этого сооружения сегодня можно судить только по величественному portalу Демир-Капы («Железной двери»), украшающему один из парадных входов Бахчисарайского дворца. Его перенесли туда по повелению следующего правителя — Сахиб-Гирея, по всей видимости, унаследовавшего от отца страсть к строительству пышных чертогов. К тому же узкое ущелье Салачик утратило свое оборонительное значение: в отличие от отца, Сахиб-Гирею уже не приходилось опасаться вражеских набегов — Золотая Орда, так до

конца и не смирившаяся с потерей стратегически выгодного улуса, уже обессилела, а Московское государство в силу еще не вошло. На протяжении всего XVI столетия Крымское ханство оставалось одной из самых серьезных внешнеполитических угроз для России.

Место для новой резиденции было выбрано в садах у реки Чурук-Су (в те времена ее называли Ашлама). Согласно легенде, Сахиб-Гирей, прогуливаясь по берегу, увидел двух схватившихся насмерть змей. Победительница уползла в себя, а ее мертвую соперницу хан толкнул носком сапога в воду. И — о чудо — змея ожила и, сверкнув в волнах, исчезла из вида. Поблизости от целебных вод, среди зарослей жасмина и дикой розы соорудили несколько ажурных беседок и павильонов, в которых правитель и его приближенные отдыхали от государственных дел. А вскоре решено было начать и строительство дворцового комплекса. Название и придумывать было не нужно — дворец-сад, Бахчи-сарай. Изначальный замысел был столь удачен, что все последующие владельцы стремились лишь к тому, чтобы сделать дворец еще прекраснее.

Рукотворный райский сад на земле занимал приблизительно

18 гектаров — дворцы, корпуса для свиты и почетных гостей, гарем, хозяйственные постройки. Самые старые здания — Большая мечеть и бани Сары-Гюзель («Желтая красавица») датируются началом 1530-х годов. Древнее их только Демир-Капы, «младший брат» резных порталов Архангельского собора Московского Кремля. Из многочисленных сооружений ансамбля до наших дней уцелело далеко не все, и не всегда в первоначальном виде. После вхождения Крыма в состав Российской империи ханская резиденция поступила в ведение министерства императорского двора. В Бахчисарае наведывались практически все представители династии Романовых, начиная с Екатерины Великой, к приезду монарших особ пригодные помещения нередко перестраивались, а ветшавшие разбирались.

Большая часть построек, видимо, была снесена еще в начале XIX века во время ремонта, затеянного к приезду Александра I. Дворец, который мы видим сегодня, по всей вероятности, служил летней резиденцией. Зимняя располагалась выше, за «висячими» садами и виноградниками, на месте которых сегодня находится Братское кладбище воинов, погибших в Великую Отечественную. Исчезли и три из обязательных четырех (по числу жен) гаремных корпусов. В середине 50-х была снесена Зеленая мечеть, соседствовавшая некогда с Зимним дворцом. На сегодняшний день площадь ансамбля чуть превышает четыре гектара.

С Хан-сараем, как, наверное, с любым дворцом в мире, связано немало легенд. Одна из самых живучих — о сокровищах последнего крымского властителя Шахин-Гирея, якобы спрятанных где-то в окрестностях. Когда хан отрекся от престола, Екатерина II предложила ему выбрать местом жительства любой уголок империи... кроме Крыма. Вместе с чадами, домочад-

ФОТО: СЕРГЕЙ МАЛЫГАНОВ/РИА НОВОСТИ

К. БРЮЛЛОВ. «БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН». 1849

цами и остатками свиты он отбыл в Воронеж, а затем проживал в Калуге. Имущество и казну, естественно, он увез с собой. Однако особо увлеченные кладоискатели уверены, что хан оставил наследникам средства, на случай, если те вознамерятся вернуть Крымскому ханству былое величие. Клад до сих пор не найден, легенда живет, однако бессмертие Ханскому дворцу обеспечила не она.

Но о Марии ты молчал...

Все, что осталось от этой женщины, — белокаменный мавзолей-дюрбе на дальнем краю террасы некогда пышного дворцового сада, и имя — Дияляра-бикеч, окутанное легендами, одна романтичнее другой. Самая красивая и фантастичная из них и создала Бахчисараю славу, которую без большого преувеличения можно назвать мировой.

Предания о суровом правителе, влюбившемся без памяти в юную пленницу, существуют и на Западе, и на Востоке. Традиция требует неперменного трагичного финала. По всем законам жанра, таинственная Дияляра, о которой не сохранилось никаких достоверных сведений,

прекрасно подходила на роль героини такой истории.

Работоторговля была одной из самых выгодных «отраслей» экономики Крымского ханства, при том, что оно не являлось рабовладельческим государством в точном значении этого термина. Большая часть населения вела кочевой образ жизни, так что, в отличие от земледельцев, рабский труд в больших количествах использовать было негде и не для чего. Пленников через порт Кафы везли на продажу в Стамбул. Ради добычи крымчаки забирались достаточно далеко. Так что Дияляра, если предположить, что она была полонянкой, могла оказаться москвитяжкой, гречанкой, черкешенкой, ну, или полькой, как это представилось Пушкину.

Участь ханской наложницы была печальной, но не беспросветной: те, к кому владыка охладевал, занимались обычной домашней работой — шили, ткали, вышивали, воспитывали детей. Если среди слуг находился подходящий жених, хан мог бывшую возлюбленную даже замуж выдать. А вот документально подтвержденных случаев, когда правитель Крымского ханства сам брал в жены наложницу, историкам пока обнаружить не удалось, что де-

лает маловероятной возможностью сооружения мавзолея для простой наложницы, пусть даже невероятно красивой и горячо любимой. Тем более что дюрбе — это не просто памятник усопшему, а культовое сооружение, где специальные служители читали молитвы. С таким почетом погребали только людей очень благочестивых и праведных.

Еще один факт не в пользу легенды — звание «бикеч» после имени Дияляры: так называли управительниц, облеченных особым доверием хана. Вряд ли надзор за обширным хозяйством доверили бы молодой женщине, тем более иноверке, не имевшей ни малейшего представления о традициях и правилах, которым подчинялась жизнь во дворце верховного правителя государства. Так что Дияляре пришлось бы не только принять иную веру, но и прожить немало лет, чтобы удостоиться этой достаточно высокой должности в придворной иерархии. За минувшие столетия ореол таинственности вокруг этой женщины стал только плотнее. Неудивительно, что белораммальный фонтан ничего не смог сказать поэту о Марии Потоцкой. Равно как и о Диноре Хионис или других претендентках на лестное звание великой любви могучего хана.

С фонтаном, кстати, тоже не все просто и ясно. В Фонтанный дворик его перенесли в ходе ремонта, устроенного по случаю приезда Екатерины Великой: вроде бы он украшал дюрбе Дияляры, но питавший его источник иссяк. Однако путешественники, побывавшие в Бахчисарае до Пушкина, упоминают о мавзолее, украшенном искусной резьбой, а вот о фонтане, обладающем не меньшими художественными достоинствами, почему-то умалчивают. Это, правда, не означает, что его там не было. По традиции фонтаны, установленные в усыпальницах и на кладбищах, символизировали священный источник Сельсебиль в райском саду, из которого пьют праведники. Но

вот что странно: стихи придворного поэта Шейхия, помещенные на фронтоне, восхваляют Кыргыз-Гирея за то, что «неусыпными стараниями он напоил водой окрестности», а вовсе не воспевают его безмерную скорбь. Пушкиноведа свидетельствуют, что поэту было известно содержание этой надписи. Но какое дело Музею до того, что горе безутешного хана, заставившее плакать камень, оказалось всего лишь легендой?

Иногда приходится слышать, что фонтан-де и не уникален, и не так уж красив, и раз пушкинская поэма не более, чем вымысел, восхищаться тут особенно нечем. Между тем бахчисарайский сельсебиль воплощает древнюю суфийскую мудрость: дни человека, подобно каплям воды, следуют один за другим, наполняя опытом чашу жизни. Они растекаются утратами и расставаниями и сливаются снова, суля обретения и встречи, в свой черед давая начало новой жизни. И по милости Всевышнего да не иссякнет этот поток во веки веков.

Некоторые историки полагают, что и дворец, и историческое имя города уцелели только потому, что были увековечены пушкинской поэмой.

Спасенный чудом уголок

Сегодня ханский дворец, вместе с историческим кварталом первой столицы ханства — Салачика и руинами крепости Кырк-Ер, больше известной как Чуфут-Кале, входят в состав Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. После того, как дворец покинул последний владыка Крымского ханства, его взяли под охрану как летнюю резиденцию царской фамилии. Попасть сюда можно было только с письменного разрешения генерал-губернатора, но это спасало только от грабежа, к архитектурному наследию министерство двора подходило исключительно с утилитарными

мерками. Всерьез о превращении ханского дворца в музей заговорили только в 1916 году, когда Петроградское общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины открыло Бахчисарайский отдел. Возглавил его Усеин Боданинский — замечательный художник, историк и этнограф. Он блестяще окончил Строгановское училище, перед ним открывалась карьера в Петербурге, но зов малой родины оказался сильнее. Первый директор сумел сразу поставить музейную работу на научные рельсы. В 1917 году в фондах насчитывалось чуть более 180 разрозненных предметов, сегодня — более 140 000.

В прошлом году дворец был включен в федеральную целевую программу реставрации объектов культурного наследия Крыма. Общая стоимость проекта составляет 1,6 миллиарда рублей.

— К делу мы подошли со всей тщательностью и серьезностью, — рассказывает директор Музея истории и культуры крымских татар Мерьям Сейтумерова. — Трудятся археологи и сейсмологи, специалисты берут пробы растворов, штукатурок, красок. Зондируем все — от фундаментов до последней балки на крышах. Первую ре-

ставрацию дворца проводили в начале 60-х. Ремонтировали крыши, делали пробные расчистки в каждом помещении — при ханах все стены были сплошь покрыты росписями. Но к полномасштабным работам так и не приступили. Поэтому в конце 80-х все помещения второго этажа дворца — Посольский зал, Золотой кабинет, личные покои хана — пришлось законсервировать из-за аварийного состояния. Теперь все 16 сооружений комплекса отремонтируют и, насколько это возможно, восстановят в первоизданном виде. Первый этап — ремонт крыш и перекрытий. Защитный навес, который сейчас сооружается над дворцом, даст возможность вести работы при любой погоде. Затем будет проведено укрепление фундаментов и несущих конструкций. Самым длительным и трудоемким будет восстановление росписей. По самым приблизительным подсчетам, реставрация займет лет семь, а возможно, и больше. Но пока будет возможность, дворец будет открыт для посетителей, ведь в чертогах некогда могущественных властителей, как встарь

*Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещет на стенах...*

Ханский дворец в Бахчисарае

ФОТО: СЕРГЕЙ МАЛЫГВЮК/ТАСС

Издательская программа правительства Москвы — весьма заметный, прошедший проверку временем просветительский проект. Стенды с хорошо знакомым всем любителям качественной литературы гербом-логотипом на международных, национальных и региональных выставках-ярмарках неизменно привлекают огромное число посетителей. «Свой» рекомендует читателям несколько изданий, вышедших в рамках этого проекта в течение трех последних лет.

Русский Мюнхгаузен

Ефим Курганов

М.: Б.С.Г. — Пресс

Предметом исследования известного филолога, профессора Сорбонны Ефима Курганова стал самобытный и малоизученный пласт русской словесности — устный анекдот, получивший широкое распространение в сфере дворянского быта в XVIII–XIX столетиях. Не случайно книга начинается с цитаты князя Петра Вяземского: «У нас была и есть устная литература. Жаль, что ее не записывали. Часто встречаешь людей, которые говорят очень живо и увлекательно. Нередко встречаешь удачных рассказчиков, бойких краснобаев и метких остряков. Но все выдыхается и забывается».

Как это почти всегда бывает с реконструкциями, автор собирал информацию по крупицам, выискивал перлы мимолетного остроумия из писем, дневников, записок современников. В его литературно-историческом труде речь идет о придворных шутах, записных врялях, редкостных остряках, чрезвычайно популярных в свое время у аристократии, воспроизводятся яркие, неповторимые приметы времени. Есть тут и множество собственно анекдотов, например, о «всемилодивейшей оплеушине», полученной поэтом Василием Тредиаковским от императрицы, а также весьма любопытные байки (в том числе о наказании в виде чтения «Телемахиды» за всякое иностранное слово,

сказанное в присутствии государыни Екатерины II).

Не обойдены вниманием легенды об осевшем в России итальянце Сальваторе Тончи, художнике и балагуре. Как вспоминают современники, он был склонен к «гиперболической манере» и все в его передаче приобретало масштаб неслыханного. Немало страниц посвящено Пушкиным — Алексею Михайловичу и Василию Львовичу. Светские шутники выступали дуэтом и замечательно веселили московское общество взаимным пикированием, перераставшим в уморительные поединки.

Но главным героем книги стал основатель Английского клуба князь Дмитрий Цицианов, хлебосольный барин, дававший в столице роскошные обеды, — тот самый «русский Мюнхгаузен». Его версии народных небылиц складывались в восприятии современников в анекдотический эпос. В своих рассказах он следовал «заповедям» классического искусника-фантазера, образ которого вышел из-под пера Рудольфа Эриха Распе. К примеру, Цицианов, представитель древнего грузинского рода, никогда не бывал на Кавказе, и Грузия в его рассказах представляла волшебным краем, обретавшим самые невероятные черты. Среди прочего он рассказывал, что на его «родине» очень выгодно иметь суконную фабрику, так как нет необходимости красить пряжу: «овцы рождаются разноцветными, и при захождении солнца стада этих цветных овец представляют собою прелестную картину».

Поэтесса, или Судьба Евдокии Ростопчиной. Повествование в семи частях

Борис Романов
М.: Русский мир

Графиня Додо Ростопчина, в девичестве Сушкова, автор исповедальной любовной лирики и множества других разнообразных по жанру и тематике произведений, светская дама, хозяйка литературного салона, в котором бывали Жуковский, Одоевский, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, долгое время оставалась в тени: ее стихи и проза почти не переиздавались, биографических книг о ней не выходило. И хотя Ростопчину сложно назвать совсем уж забытой фигурой, по части исследовательского интереса она явно уступала своей современнице и сопернице в литературе Каролине Павловой.

Книга Бориса Романова — первое объемное жизнеописание поэтессы, основанное на документальных источниках (письма, мемуары современников), но не лишенное художественных допущений. Автора интересует не столько поэзия, сколько «история души», в ней запечатленная.

«Судить о чувствах Ростопчиной мы можем главным образом по стихам. Не судить же о них по мемориальным сплетням? Что может лучше и внятнее рассказать о любви, как не стихи», — справедливо замечает биограф.

Пожалуй, лучше всего эту установку можно выразить строками самой поэтессы: «Как я люблю читать стихи чужие, / В них за развитием мечты певца следить, / То соглашаться с ним, то разбирать, судить / И отрицать его!.. Фантазии живые, / И думы смелые, и знойный пыл страстей — / Все вопрошаю я с внимательным участием, / Все испытую я; и всей душой моей / Делю восторг певца, дружусь с его несчастьем, / Любовию его люблю и верю ей».

Основным конструирующим материалом для монографии стало во многом автобиографичное творчество Евдокии Петровны. Не очень счастливая в браке, графиня искала светских

развлечений, увлекалась некоторыми из своих поклонников. Так, героиня ее поэмы «Бальная сцена, отрывок из романа» — влюбленная в молодого человека замужняя дама — мучительно борется с романтическими чувствами ради репутации семьи и верности обетам.

Композиция повествования часто подчинена принципам художественной, ассоциативной логики, о чем свидетельствуют и жанровое заглавие книги, и эпиграф: «Поэты русские свершают жребий свой, / Не кончив песни лебединой!..» — из стихотворения Ростопчиной «Нашим будущим поэтам».

Московские живописцы. От Андрея Рублева до Константина Юона Татьяна Муравьева М.: Вече

Имя московеда, сотрудницы Государственного исторического музея Татьяны Муравьевой известно не только в научных кругах. Ее экскурсии по Москве, Кижам, Валааму запомнились многим любителям отечественной старины, а те, кто следит за работами по истории и краеведению, возможно, держали в руках ее увлекательно написанные монографии «Венок московских усадеб», «Как жили люди в древности», биографии Дениса Давыдова (издательство ГИМ) и первопечатника Ивана Федорова (последняя вышла в «Молодой гвардии», в серии «ЖЗЛ»).

Книга-альбом «Московские живописцы. От Андрея Рублева до Константина Юона» посвящена жизни и творчеству знаменитых художников, связанных с нашей древней столицей.

Это и самый известный русский иконописец, чье искусство, по мнению специалистов, несло ярко выраженную «раннемосковскую печать», и бесподобный изограф Симон Ушаков, и уникальная аргуновская династия, основанная крепостным Шереметевых, и выдающиеся преподаватели Московского училища живописи, ваяния и зодчества Алексей Саврасов и Валентин Серов.

Татьяна Муравьева, конечно же, не могла не вспомнить в своем издании Виктора и Аполлинария Васнецовых, четырех могучих Василиев — Сурикова, Поленова, Перова и Тропинина. Отметила творчество Павла Федотова, Елены Поленовой, Андрея Рябушкина, Сергея Малютина и Константина Юона.

Здесь не просто «географическое» объединение — московская школа с ее «бьющим через край восторгом колористического жизнеощущения» отчетливо выделяется в истории как отечественного, так и мирового искусства, отличается от всех прочих тем, что «полнее всего выражает национальный характер и особенности времени».

Династия Шервудов в культуре и истории России

**Евгений Лукьянов, Юрий Савельев
М.: Кучково поле**

Творчеству Владимира Шервуда принадлежит заметное место в русском искусстве. И хотя его имя принято связывать с построенным по проекту этого зодчего зданием Исторического музея на Красной площади, по основной своей профессии он архитектором не являлся. Внук английского механика, воспитанник сиротского дома, Владимир Шервуд окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества и к началу 1860-х был известен как живописец. Граф Михаил Бутурлин в своих воспоминаниях отмечал: «В эти последние пять-шесть лет замечателен сделался молодой портретист (в Москве) Шервуд. Он успешно присвоил себе ширь контуров и блеск палитры Брюллова с оконченностью деталей на манер Зарянки. Удивительно, как мало о нем говорят газеты».

В книге опубликовано множество неизвестных широкому кругу читателей работ художника: живопись, архитектурная и прикладная графика, предметы декоративного искусства, скульптурные композиции. Также в издании приводятся два его основных теоретических труда — «Несколько слов по поводу Исторического музея имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича» и «Опыт исследования законов искусства. Живопись, скульптура, архитектура и орнаментика», в которых мастер поделился опытом решения практических задач, изложил свои теоретические взгляды.

Значительный раздел книги посвящен созданию Исторического музея, одного из самых ярких образцов пореформенного русского стиля. Задуманный в 1872-м, в год знаменитой Политехнической выставки, приуроченной к 200-летию со дня рождения Петра I, музей был частью масштабного проекта «Отечество», призванного переосмыслить облик Красной площади. Она должна была стать символом народности, впитавшим традициям древнерусского зодчества. Для решения этих задач создали ученую комиссию, куда вошли светила исторической науки Сергей Соловьев, Василий Ключевский, Дмитрий Иловайский, Константин Бестужев-Рюмин, Василий Румянцев, Федор Буслаев, первыми научными руководителями стали Алексей Уваров и Иван Забелин. Пристальное внимание, которое причастные к созданию Исторического музея ученые уделяли выбору стиля, объяснялось высоким назначением, выражением которого была призвана стать архитектура. Автор статьи «Смысл и значение Музея имени Государя Наследника Цесаревича» Бестужев-Рюмин, в частности, писал: «Народ, желающий быть великим народом, должен знать свою историю... велик

только тот народ, который ясно сознает свое историческое призвание... Музеи — одно из самых могущественных средств к достижению народного самосознания».

Ему вторил Шервуд: «Хаос понятий и мнений нашего общества крайне нуждается в правильном выяснении основ жизни, идеалов. Современные западноевропейские взгляды в этом отношении не только не могут быть приняты безусловно, но со многими из них мы должны бороться всеми своими силами, стараться выдвинуть против них оплот в виде наших национальных культурных идей. Исторический музей... должен... послужить делу народного и общественного сознания, быть выражением его».

Также в книге рассказывается о потомках художника, образовавших известную династию. Два старших сына Шервуда, Сергей и Владимир, стали известными архитекторами, младший Леонид — знаменитым скульптором. Все они прошли художественную школу отца, участвуя в осуществлении его многочисленных проектов.

Москва. Путеводитель по истории города

Дмитрий Петров, Олег Шишкин
М.: Центр Дмитрия Петрова

Путеводитель обращает внимание на все заметные достопримечательности столицы, предлагая проследить путь становления города — от первого вятического поселения на Боровицком холме до современного мегаполиса. Это объемная и основательная работа с обширной библиографией, здесь использованы материалы как дореволюционных и советских путеводителей, так и свежих изданий, вышедших в середине десятых. Авторы Дмитрий Петров и Олег Шишкин уверяют, что книга родилась из идеи воссоздать

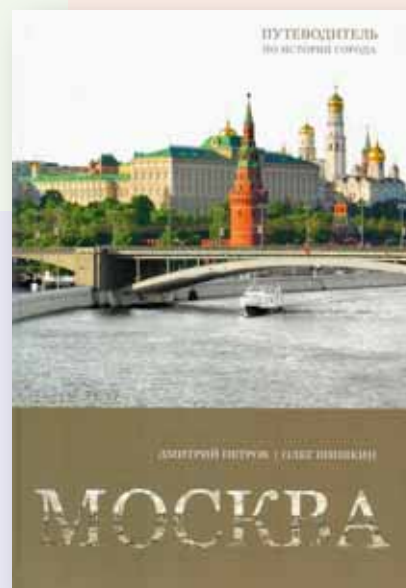
язык города, зафиксировать его в пространстве и времени, провести читателя по знаковым местам и закоулкам российской столицы, от Кремля и расходящихся от него триумфальных улиц до переулков и тупиков.

— У каждого из нас есть места, которые мы любим и не любим, с которыми связана какая-то личная история или ничего не связывает, но все равно, все это ценно и уникально, потому что в этом заключаются широта и многогранность нашего города, великого очага культурного и исторического наследия, — рассказывает Шишкин.

В числе самых интересных мест автор выделяет прежде всего труднодоступные достопримечательности, как наиболее интересные для исследователя: Кремлевскую стену, Теремной дворец, Грановитую палату, Царицыно... Личных ассоциаций с ними, может быть, и нет, но они значат нечто большее — там решалась судьба Отечества.

— Интересно, например, что Грановитая палата, где принимали иностранных дипломатов, отделана рустом, символизовавшим воинскую решимость и непреклонность к победе, — продолжает эксперт, — таким образом государи сразу давали понять, что в Москве будут разговаривать с позиции державной силы.

В путеводителе не только освещается история создания того или иного памятника, но и объясняется его значение в контексте времени: например, что передовые итальянские архитекторы воздвигли в конце XV века не просто красивый ансамбль, а первоклассную, по-европейски оборудованную крепость с мощными фортификационными сооружениями, подъемными мостами, дубовыми воротами и опускающимися железными решетками, которая по размаху и оснащённости превосходила мировые аналоги своей эпохи.

Великие реалисты

«НА ВОЙНУ», 1888

ФОТО: В. БАБАЙЛОВ/РИА НОВОСТИ

Крестьянская рапсодия

Ксения Воротынцева

Художник Константин Савицкий порой воспринимается как персонаж исторического анекдота: мастер изобразил мишек на знаменитом полотне Ивана Шишкина «Утро в сосновом лесу». На самом деле вклад Константина Аполлоновича в искусство второй половины XIX века куда значительнее. Участник Товарищества передвижных выставок и создатель Пензенского художественного училища сумел запечатлеть *Zeitgeist*, дух времени. А заодно воплотил в своем творчестве константу русской культуры: литературоцентричность.

САВИЦКИЙ появился на свет в Таганроге 25 мая (6 июня) 1844 года. Другой знаменитый уроженец тех мест — Антон Чехов. Деятели русской культуры разделяло 16 лет: писатель родился в 1860-м. Разрыв в одно поколение — гигантский даже для XIX столетия, когда время текло ощутимо медленнее. Неудивительно, что два автора заняли полярные эстетические позиции. Чехов, как известно, стал предтечей драматургов XX столетия, выразив в пьесах экзистенциальную тоску современного человека (хотя не без черного юмора назвал «Вишневый сад» комедией). Константин Савицкий работал в более традиционном ключе: подобно Льву Толстому, а также «Толстому в живописи» — Илье Репину. Для произведений этих авторов характерна повествовательность: главное — не стиль, словесная эквилибристика, а сама история. Изложенные события должны послужить публике своеобразным уроком. Позиция авторов, в отличие от ускользающего мнения Чехова, выражена ясно, порой дидактично. В подобном ключе творил и Савицкий, который, как и Толстой, выбрал для себя крестьянскую тему.

из Академии за сближение с передвижниками, лишив возможности соревноваться за Большую золотую медаль и получить поездку за границу.

В итоге «университетами» Савицкого стало талантливое окружение. Немало дала дружба с Репиным, через него художник познакомился с еще одним выдающимся живописцем, Иваном Крамским, впоследствии товарищем по передвижническому движению. Впрочем, обмен идеями был взаимным. Так, именно Савицкий подсказал Илье Ефимовичу идею полотна «Бурлаки на Волге». Однажды во время прогулки на пароходе по Неве друзья увидели работяг, тянувших баржу. Репин был поражен подобным зре-

Н. ГРАНДКОВСКИЙ. «ПОРТРЕТ К. САВИЦКОГО», 1902

Константин Аполлонович происходил из небогатой семьи: отец — военный врач, мать целиком посвятила себя воспитанию детей. Будущий художник рано осиротел. Родственники поместили подростка в частный немецкий пансион в Лифляндии. Однако Костя, рисовавший с юных лет, мечтал об иной жизни. В 1862 году он успешно выдержал экзамены и стал вольнослушателем Академии художеств. Поначалу учеба не задавалась: Савицкий получал за рисунки большие номера. Первые номера означали более высокую оценку и давали право занять удобное место рядом с моделью. В итоге уроженец Таганрога покинул Академию. Однако через два года вернулся и стал делать успехи. Последовали похвалы критиков, в том числе самого Стасова. В 1870 году из заграничной пенсионерской поездки приехал Павел Чистяков, талантливый педагог. Многие из мастеров вспоминали о его уроках с благодарностью. Не только Савицкий, но и Репин вместе с Поленовым и Семирадским преклонялись перед даром Павла Петровича. К сожалению, в 1873 году учеба Константина Аполлоновича была прервана: художника исключили

«ПОРТРЕТ ЖЕНЫ ХУДОЖНИКА С СЫНОМ ГЕОРГИЕМ», 1899

ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ

лицем. Савицкий, как вспоминала Илья Ефимович, объяснил: «...буксиры дороги; а главное, эти самые вьючные бурлаки и нагрузят баржу, они же и разгрузят ее на месте, куда везут кладь. Поди-ка там поищи рабочих-крючников! Чего бы это стоило...» По словам Ильи Репина, так родился замысел будущего шедевра. Общение художников нашло отражение и в создании другой картины: Савицкий позировал для полотна Репина «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве».

Константин Аполлонович крепко дружил с Иваном Шишкиным, даже стал крестным отцом его сына Константина. Как вспоминала жена Савицкого, однажды художник «всю ночь проработал над композицией новой вещи, в результате ночной работы был готов эскиз углем с небольшой подмалевкой жидкой масляной краской. На полотне была изображена чаща леса с огромным сломанным стволом сосны, на котором резвились со своей маткой медвежата, как бы радуясь солнечным лучам, прорезывающим утреннюю мглу. На другой день зашел Иван Иванович [Шишкин], вещь ему понравилась, и К[онстантин] А[поллонович] предложил ему: давай писать вместе». Однако совместный труд омрачила размолвка между художниками. Савицкий так описал ситуацию в письме родственникам: «Затеял я как-то картину с медведями в лесу, приохотился к ней И.И. Шишкин и взял на себя исполнение пейзажа. Картина вытанцевалась, и в лице Третьякова нашелся покупатель. Таким образом, убили мы медведя и шкуру поделили! Но вот дележка-то эта приключилась с какими-то курьезными запинками. Настолько курьезными и неожиданными, что я отказался даже от всякого участия в этой картине, выставлена она под именем Шишкина и в каталоге значилась таковою. Оказывается, что вопросы такого деликатного свойства в мешке не утаишь, пошли суды да пересуды,

«ДЕТИ КОРМЯТ ЦЫПЛЯТ У ХЛЕВА»

ФОТО: ПАВЕЛ БАЛАБАНОВ/РИА НОВОСТИ

«УТРО В СОСНОВОМ ЛЕСУ», 1889

ФОТО: ВЛАДИМИР ВДОВИН/РИА НОВОСТИ

«БЕГЛЫЙ», 1883

«РЕМОНТНЫЕ РАБОТЫ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ», 1874

«ИНОК», 1897

и пришлось мне подписаться под картиной вместе с Шишкиным, а затем поделить и самые трофеи купли и продажи. Картина продана за 4 т., и я участник в 4-ю долю! Много скверного ношу в сердце своем по этому вопросу, и из радости и удовольствия случилось нечто совсем обратное». С Шишкиным маэстро впоследствии помирился: по свидетельствам современников, Константин Аполлонович был человеком мягким и отходчивым.

Художник с ранних лет тяготел к жанровым картинам. На первое место ставил историю, сюжет: колористические тонкости интересовали его куда меньше. Увиденные в Париже работы Камиля Коро, предшественника импрессионистов, не привели мастера в восторг. Французского автора он назвал «невозможным», даже «бессовестным». Бессюжетность, поиски живописных, формальных решений оказались не близки отечественному правдорубу. Это дало повод Репину, жившему тогда в столице Франции, написать: «Недавно приехал сюда Савицкий; из разговоров с ним я убедился, что русские художники немного еще понимают в живописи». Как известно, Илья Ефимович сам тяготел к остросоциальным темам, однако обладал тонким чувством цвета. Савицкий же порой увлекался сюжетом и пренебрегал живописными задачами — как в работе «На войну». Стасов утверждал: «...Эта картина... является важной страницей в истории русского искусства, несмотря даже на свой серенький, синеватенький колорит. Что делать!.. Савицкий не колорист, но у него есть много такого, что всегда заставит забыть тот или другой частный его недостаток». Репин, в свою очередь, отмечал: «Превосходная вещь! Удивительно хорошо скомпонована, нарисована, много жизни, движений и драмы; хотя написана сухоовато, но очень хорошо закончена».

Похожие отзывы вызвала и нашу мевшая «Встреча иконы». По сюже-

ФОТО: ВЛАДИМИР ВЯТКИН/РИА НОВОСТИ

ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ

ту она во многом перекликалась с творением Репина «Крестный ход в дубовом лесу». Илья Ефимович, увидев полотно Савицкого, пораился сходству замыслов и отложил работу над собственным холстом. Об этом очень сожалел Крамской, ценивший идею Савицкого, но критиковавший живописное исполнение. Стасов писал: «Г-н Савицкий неожиданно-негаданно привез на передвижную выставку картину, хотя и опять большую, но превосходную, хотя и грязно и серо напи-

«ОХУТНИК», 1874

«МОРЕ В НОРМАНДИИ (РЫБАКИ В БЕДЕ)», 1875

санную, но полную такого содержания, таких типов и такой правды, которые делают ее одним из самых значительных и важных созданий новой русской школы». Константин Аполлонович изобразил толпу крестьян, вышедших на дорогу, чтобы приложиться к чудотворной иконе. Немало споров вызвала фигура священника: некоторые считали, что художник отнесся к нему без должного почтения, а «Московские ведомости» назвали автора «патологическим типом». Правда, творение оценил Лев Толстой, чьи отношения с Церковью становились все сложнее. Произведение мгновенно приобрел Павел Третьяков. Савицкий, несмотря на недовольство коллекционера (тот не разрешал авторам картин, попавшим в галерею, улучшать свои творения), дважды пытался поправить колорит — это

чуть не привело к серьезной размолвке с меценатом.

Главными героями Савицкого становились, как правило, простые люди. Автор фундаментальной монографии о художнике, Елена Левенфиш, называет его «печальником за судьбы русского крестьянства». Яркий пример — ранняя вещь «Ремонтные работы на железной дороге». Автор изобразил тяжелый труд бывших крестьян. Среди тех, кто возит тачки, нагруженные землей, есть и дети: тяжелые реалии XIX века. Как отмечает Левенфиш, можно говорить об определенной близости картины поэме Некрасова «Железная дорога». Поэт писал: «Мы надрывались под зноем, под холодом, / С вечно согнутой спиной, / Жили в землянках, боролись с голодом, / Мерзли и мокли, болели цингой. / Грестили нас грамо-

теи-десятники, / Секло начальство, давила нужда... / Все претерпели мы, божи ратники, / Мирные дети труда!» Художник откликнулся и на другие злободневные темы. Картина «Вести из дома», местонахождение которой сейчас неизвестно, рассказывала об обнищании деревень, жители которых отправлялись на заработки в город. Другая важная проблема — переселение из-за голода и безземелья. Мастер сделал обложку для сборника «Путь-дорога», изданного в пользу Общества вспомоществования нуждающимся переселенцам. Персонажи Савицкого плывут на барже, едут в телегах, бредут по дорогам...

Константин Аполлонович оставил после себя множество набросков: следуя принципам Чистякова, он старался работать с натуры. Правда, подобный подход не всегда встречал понимание. Мастер, гостивший у знакомого в Пензенской губернии, писал Крамскому, что после полевых работ «мужички становятся свободнее», но позируют все равно неохотно: «...кроме тысячи предрассудков, мешают еще боязнь и недоверие их к помещикам, с которыми мы живем, а стало быть, и мы с ними заодно?!» На основе натуральных зарисовок создавались не только крестьянские полотна. Художник исполнял обязанности присяжного заседателя: впечатления от увиденного легли в основу картины «В ожидании приговора суда». Любопытно, маэстро поместил главного персонажа — подсу-

димого — в глубину холста. На первом плане — переживающие за него сестра и мать. Живописцу было важно показать отношения между героями, а также передать особенное ощущение времени, когда минуты тянутся бесконечно долго.

Константин Савицкий был настоящим идеалистом: надеялся исправить общество с помощью картин. Выступал против поощрения художников званиями и наградами, поскольку такого рода почести «вредно влияют даже на натуры, отмеченные дарованиями, и часто служат средством для достижения целей, не имеющих с искусством ничего общего». Мастер отличался природной скромностью. Получив предложение возглавить только что созданное Пензенское художественное училище, сначала

отказался: «Вся административная деятельность, обязанности представительства с лицами города, властей и пр. и пр. — все это так сложно и противоположно моим стремлениям, так неумолимо тягостно отзовется на моем прямом, чисто художественном призвании, что я лучше с нуждой, да буду вольной птицей, к нужде и подчас очень тяжелым минутам мне не привыкать; а дрожать и день и ночь в страхе за упущение по службе, это новая петля». И все же Савицкий решил взвалить на себя груз административной работы и возглавил училище — чтобы продвигать художественное образование в провинции. Подопечные вспоминали о нем с благодарностью. Один из них в письме Репину тепло отзывался о наставнике: «...Все остатки своей

жизни отдавал любимой школе. Заведуя ею, он сумел заинтересовать искусством всех учащихся; он очень талантливо преподавал и вообще сумел поставить школу на должную высоту... В школе все ученики его очень любили, он пользовался большим авторитетом не только в школе, но и за пределами ее». В 1904-м художник тяжело заболел, отправился на лечение в Крым. Все мысли были о работе, и уже через три месяца живописец вернулся в Пензу. Однако ему становилось все хуже, и 31 января (13 февраля) 1905 года Константин Савицкий скончался. В память о нем остались не только картины, но и ученики, разъехавшиеся по всей России. А также художественное училище, открытое до сих пор и носящее теперь его имя.

«Крутой спуск», 1903

На семи холмах

Н. УДАЛЬЦОВА. «МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ». 1915

ФОТО: А. СВЕДЛОВ/РИА НОВОСТИ

Как звучат эпохи

Ольга Марьяновская

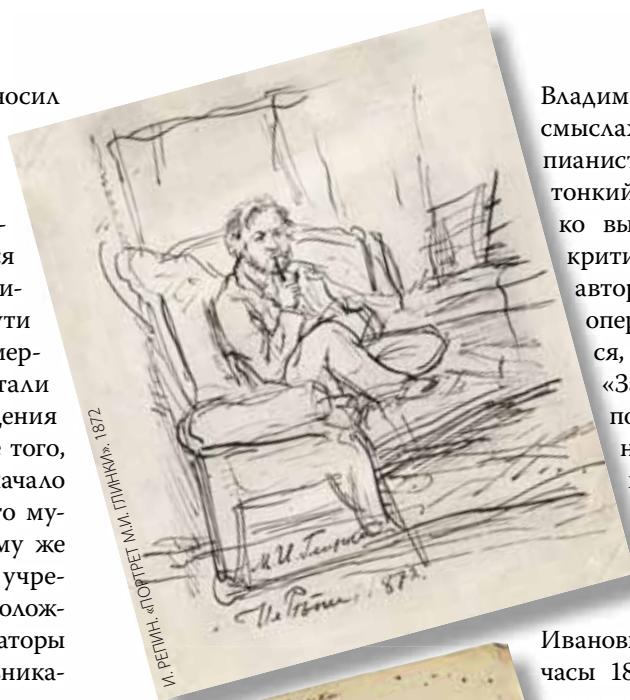
Российский национальный музей музыки существует вот уже более века. Его история началась с открытого в 1912 году музея Николая Рубинштейна, основателя и первого директора Московской консерватории. Постоянно пополнявшиеся с тех пор фонды составляют сегодня самое крупное в мире собрание инструментов, рукописей, исследований по истории музыкальной культуры, редких книг, нотных изданий, раритетных звукозаписей, подлинных документов, автографов, писем выдающихся русских и зарубежных композиторов и исполнителей. Экспозиции удивительным образом сочетаются с концертами, конкурсными и фестивальными программами.

С приходом лета культурная жизнь на улице Фадеева отнюдь не замирает, увлекательные экскурсии все так же чередуются с яркими выступлениями артистов.

ЕЩЕ недавно музей носил имя Глинки — «Пушкина русской музыки», как его иногда называют. Знаменательный факт: юбилеи обоих гениев отмечаются почти одновременно. Неудивительно, что их жизненные пути часто пересекались, а закономерным итогом личных встреч стали самые известные произведения великого композитора. Более того, его творчество положило начало золотому веку отечественного музыкального искусства. Почему же из официального названия учреждения исчезло имя основоположника? Как объясняют инициаторы переименования, прежде возникла некоторая путаница — многие желающие посетить музей полагали, что он мемориальный, а в действительности его функции и тематика намного шире.

В здешних фондах, как и прежде, хранятся вещи, иллюстрирующие повседневный быт и деятельность Михаила Глинки. Среди них — немало чрезвычайно любопытных экспонатов: живописный портрет первого исполнителя роли Ивана Сусанина в опере «Жизнь за царя» Осипа Петрова, принадлежавший композитору столик с подсвечником, печатью и колокольчиком, афиша премьеры оперы «Руслан и Людмила» (состоялась под конец 1842 года в петербургском Большом театре), эскиз к картине Ильи Репина «Глинка за сочинением оперы «Руслан и Людмила».

Особую ценность представляют два автографа — рукопись песни «Ах, когда б я прежде знала» и письмо к Владимиру Одоевскому. С последним Михаилом Ивановичем связывала многолетняя, на редкость плодотворная дружба.

Владимир Федорович — во всех смыслах аристократ, талантливый пианист, неплохой сочинитель, тонкий знаток искусств — нередко выступал как музыкальный критик. К его рекомендациям автор первых великих русских опер неизменно прислушивался, даже на страницах своих «Записок» с удивительным постоянством вставлял уточняющую фразу «по совету князя Одоевского».

Сохранились подлинные предметы, принадлежавшие близким родственникам Михаила Ивановича: посуда и каминные часы 1814 года из имения Новоспасское под Смоленском, туалетный столик и икона «Богоматерь Свенская (Печерская) на престоле с предстоящими святыми Антонием и Феодосием» начала XIX столетия, а также портреты его сестер, бабушки и дяди.

Другие реликвии собрания связаны прежде всего с именами Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Бородина, Бортнянского, Рахманинова, Скрябина, Стравинского, Прокофьева, Шостаковича, Свиридова и других.

Концертный рояль «S. Erard». 1867

ФОТО: ВИТАЛИЙ БЕЛУСОВ/РИА НОВОСТИ

НА СЕМИ ХОЛМАХ

В коллекции изданий представлены редчайшие рукописные певческие книги XVI–XX веков. Имеются также ценные материалы, относящиеся к творчеству Бетховена, Вагнера, Листа, Россини, Берлиоза, Равеля, Бартока...

Основная экспозиция — настоящая энциклопедия музыкального искусства. В пяти залах выставлены инструменты народов России, государств Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, звукозаписывающие и звуковоспроизводящие аппараты первой половины XX века.

Древнерусскую музыкальную культуру представляют гусли крыловидные XIII и XIV веков, найденные на раскопках в Великом Новгороде, смык — струнный смычковый инструмент XIV столетия, сурна — духовой язычковый, дудка (сопель). Церковный колокол 1784 года тоже связан с памятью Глинки — привезен из его родового имения.

За стеклом — разнообразные дудки (жалейки), рожки, свистульки, балалайки, колокольчики, ложки, прочие старинные инструменты народов нашей страны. Поблескивающие серебром духовые — боевые награды Русской армии в Отечественной войне 1812 года, среди них — обвитые ленточками и украшенные Георгиевскими крестами трубы. Тут же — поводавшие виды ударные, литавры и барабаны. Большинство витрин оснащено кнопками. Нажав, можно услышать, как звучит тот или иной экспонат.

В холле установлен самый старый в России орган, который в 1868 году изготовил для купца Василия Хлудова немецкий мастер Фридрих Ладегаст. Владелец подарил его Московской консерватории, позже инструмент, сменил еще нескольких владельцев. В 1998-м орган восстановили, и теперь на нем играют на проходящих в стенах музея концертах.

В 2010-м сюда поступила Государственная коллекция уникальных музыкальных инструментов Российской Федерации — лучшее в мире собрание смычковых. Над их созданием в разные эпохи — начиная с XVI века — трудились известнейшие европейские умельцы. Тут есть шедевры Антонио Страдивари, семейств Гварнери и Амати. До конца 2019 года развернута выставка «Коллекция особого назначения», где любой желающий может увидеть самые дорогие инструменты включая скрипку работы венецианского мастера XVIII века Санто Серафина и виолончель Пьетро Гварнери (последнего представителя знаменитой династии), отреставрированные в Италии по поручению президента Российской Федерации Владимира Путина. Все инструменты по-прежнему звучат, музей представляет их лучшим отечественным исполнителям для гастролей и участия в конкурсах.

Многие инструменты уникальны не только звучанием, но и достойными пера романиста историями. Например — две скрипки Страдивари. Одна из них,

Граммофон фирмы «Мюллер». Начало XX в.

АНС синтезатор

созданная в 1671 году, принадлежала королеве Бельгии Елизавете. Монаршая особа была одаренным музыкантом, училась у известного скрипача и дирижера Эжена Изаи. На учрежденном ею в память об учителе международном конкурсе победил в 1937 году советский скрипач Давид Ойстрах. Покоренная его мастерством, королева завещала ему свою скрипку. В Россий-

ФОТО: PHOTOPRESS

ский национальный музей музыки драгоценный инструмент передали потомки Ойстраха.

Вторая также принадлежала этому виртуозу. Именно с ней, выполненной Страдивари в 1736-м, Давид Федорович выиграл то самое состязание в Брюсселе. До революции она принадлежала князьям Юсуповым. Некоторое время считалось, что последний владелец вывез ее за границу в 1919 году, однако впоследствии она была обнаружена в замурованном тайнике бывшего Юсуповского дворца в Ленинграде.

В 1960-е специально для музея изготовили экземпляр электромузыкального инструмента под названием «терменвокс», на котором играют без прикосновений — движениями рук в пространстве. Почти сто лет назад это чудо инженерной мысли изобрел выдающийся русский физик и музыкант Лев Термен.

Музыка из фильмов Андрея Тарковского «Солярис» и «Сталкер»

знаком, наверное, всем любителям кино. Композитор Эдуард Артемьев создавал ее при помощи хранящегося в музее хитроумного устройства с аббревиатурой АНС, первого и единственного в мире

фотоэлектронного синтезатора. В середине XX века его сконструировал и назвал в честь Александра Николаевича Скрябина изобретатель Евгений Мурзин. С ним работали Альфред Шнитке, София Губайдулина, Эдисон Денисов, Станислав Крейчи.

Представлены также современные инструменты барабанщика и шоумена Ришад Шафи, в том числе часть занесенной в Книгу рекордов Гиннесса «гигантской барабанной установки».

Дополняют экспозицию произведения изобразительного искусства — живопись, графика, скульптура, эскизы декораций, — посвященные музыке. Тут есть работы Василия Перова, Николая Ге, Михаила Врубеля, Исаака Левитана, Константина Коровина, Бориса Кустодиева, Мартироса Сарьяна, Кузьмы Петрова-Водкина, Николая Рериха, Федора Федоровского.

Здесь экскурсии одинаково увлекательны для детей и взрослых. Можно послушать классические, народные, современные мелодии, спеть, поиграть на разных инструментах, поучаствовать в викторинах и мастер-классах. На нескольких площадках регулярно проходят концерты, читаются лекции.

В состав Российского национального музея музыки входят филиалы: Мемориальная усадьба Ф.И. Шаляпина, музей С.С. Прокофьева, музей-квартиры Н.С. Голованова и А.Б. Гольденвейзера, музей под названием «П.И. Чайковский и Москва». Вероятно, скоро этот список пополнит музей С.И. Танеева.

ФОТО: PHOTOPRESS

Родная лира

О своей любви пробалалаю

ФОТО: АЛЕКСАНДР РОМИН/ГЛАСС

Валерий Бурт

23 июня в российском календаре значится как День балалайки, или Международный день музыкантов-народников. Праздник учредили в 2008 году, а время для него выбрали не случайно: первое упоминание о нашем знаменитом на весь мир музыкальном инструменте датировано июнем 1688-го. Много лет спустя, в марте 1888-го, состоялся дебютный концерт профессионалов-балалаечников. Вспоминая историю легендарной трехструнки, отдадим дань уважения людям, ее прославившим.

ИЗВЕСТНОЕ на всех материках русское слово произошло, вероятно, от выражений «балакать», «балаболить» или, проще говоря, болтать языком. По-видимому, дело тут в специфическом, скороговорно-бренчащем звучании. В действительности балалайка не всегда тараторит весело. Случается, грустит и даже плачет.

Откуда взялась-появилась? Точно — не ведомо, бытуют лишь версии. Одни источники утверждают, что создали ее на Руси в конце XVII века «с нуля». Иные исследователи уверяют, что балалайка произошла от домры. Есть и такое предположение: похожий музыкальный инструмент привезли с собой татаро-монгольские завоеватели.

В последнюю версию верится с трудом: голос у балалайки напевный, звонкий и как будто не особо совместимый с восточными гаммами. Еще говорят, что первыми балаалаечниками были скоморохи: играли и доигрались — их обвинили в язычестве и погнали прочь из Москвы. По указу Алексея Михайловича (Тишайшего) было велено все оказавшиеся ему не по нраву инструменты сжечь. В царском документе говорилось, что ослушников надлежало пороть и отправлять в ссылку в Малороссию. Диву даешься: отчего невзлюбил такую музыку самодержец? Наверное, потому, что был сильно набожным и всякие подобные развлечения считал занятием сугубо бесовским.

Когда государь умер, опала для балалайки и прочих музыкальных инструментов закончилась. Они зазвучали снова, в основном в крестьянских домах. Премудрости игры были знакомы едва ли не всем сельским мужикам, передавались от поколения к поколению. Перебирали струны и в горе, и в радости. Проходили эпохи, столетия, а балалайка все не умолкала...

Впервые она была упомянута в документе под названием «Память из Стрелецкого приказа в Малороссийский приказ», датированном 23 (13) июня 1688 года (хранится в фондах Государственного архива древних актов). В частности, в нем говорится: «В Стрелецкий приказ приведены арзамасец — посадский человек Савка Федоров сын Селезнев да Шенкурского уезду дворцовой Важеской волости крестьянин Ивашко Дмитриев, а с ними принесена балалайка для того, что они ехали на извозничье лошади в телеге в Яуские во-

рота, пели песни и в тое балалайку играли и караульных стрельцов, которые стояли у Яуских ворот на карауле, бранили».

Что случилось с Савкой и Ивашкой? Наказали их за шум и озорство или отпустили с миром? Бог весть, однако с этих простых людей началась, можно сказать, официальная история русской балалайки.

Мелодичная, недорогая, простая в обращении, она быстро стала популярной. Член Санкт-Петербургской академии наук Якоб Штелин посвятил ей целый раздел своей книги «Музыка и балет в России XVIII века». Утверждал, что нелегко найти дом, где бы «молодой работник не игрывал служанкам своих вещичек.

Инструмент этот имеется во всех мелочных лавках, но еще более способствует его распространению то обстоятельство, что его можно самому изготовить».

В XIX столетии в России появились первые артисты-балаалаечники. В мемуарах концертмейстера оркестра Большого театра, скрипача Василия Безекирского упоминается штаб-ротмистр Владимир Радивилов, выступавший с сольными концертами в Москве. Бил по струнам виртуозно, зрители офицера боготворили. Любопытно, что его постоянная спутница была сделана из грубовой доски.

Особо надо выделить неутомимого пропагандиста балалайки Василия Андреева. Увлечение всей его жизни началось со случайности: однажды услышал, как лихо наяривает на трехструнке «Вдоль по Питерской» бывший дворовый, дед Антип. И тут же обуяло желание играть самому и довести исполнение до совершенства. «Народу надо дать доступную музыку, музыку национальную, и балалайка, домра, гусли являются именно такими историческими национальными инструментами», — писал он позже.

Андреев ощущал себя как одинокий, прокладывающий путь в первобытном лесу странник. Впоследствии он создал хроматическую балалайку и ее разновидности: пикколо, альт, бас, контрабас, дискант, тенор. Открыл классы игры в Санкт-Петербурге, организовал «Кружок любителей игры на балалайках», чье первое выступление состоялось весной 1888 года.

«Русский балаалаечный Страдивариус» — этот неофициальный титул носил музыкальный мастер Семен Налимов. Золотые руки бывшего унтер-офицера

В. Андреев. 1917

ФОТО: РИА НОВОСТИ

РОДНАЯ ЛИРА

изготовили инструменты, выдающие фантастическое звучание с серебряными переливами. Увидев работы Налимова, Андреев пригласил его в свою экспериментальную мастерскую, находившуюся в селе Марьино Бежецкого уезда. И не ошибся. «Техника изготовления балалаек и домр Семена Ивановича Налимова была недостижима, что в связи с подбором лучшего материала делает каждый выпускаемый им из рук инструмент идеалом совершенства», — отмечал музыковед Николай Привалов.

«Балалайки проникли в гимназии, лицей, правоведение, войска, везде образуются кружки... — удовлетворенно констатировал Василий Андреев. — Несложный инструмент, певучий мотив и легкость игры, не требующей продолжительной и трудной подготовки, делают его доступным массе. В три минуты я могу обучить играть на балалайке «Барыню». Но в то же время это настолько гибкий инструмент, что иногда требуется полтора года обучения для того, чтобы сыграть некоторые другие произведения. Балалайка сделалась теперь излюбленным инструментом в нашем интеллигентном обществе».

А ведь прежде считалось, что упражнения с трехстрункой — не более, чем забава простолюдинов.

Благодаря Василию Васильевичу игру на балалайке стали преподавать в войсках. Служивый, вернувшийся домой после ратных дел, уже не расставался с ней, показывал и домашним, и гостям свое искусство. Аккорды разносились по городам и весям, очаровывали, множили ряды поклонников балалайки.

Шло время. Из «Кружка любителей...» возник Великоорусский оркестр народных инструментов. Главная идея Андреева — «соединить фрек с балалайкой». Исполнители действительно выходили на сцену не в поддевках и сапогах, а в стильных фраках, белоснеж-

Н. БОГДАНОВ-БЕЛЬСКИЙ. «ВИРТУОЗ», 1891

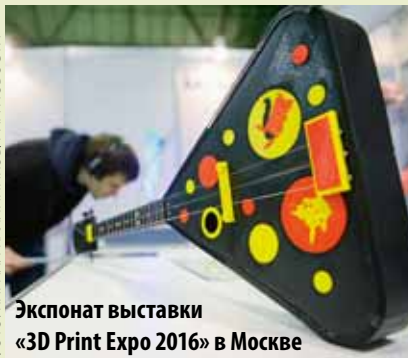

ФОТО: КИРИЛЛ КАПЛИНКИН/РИА НОВОСТИ

Экспонат выставки «3D Print Expo 2016» в Москве

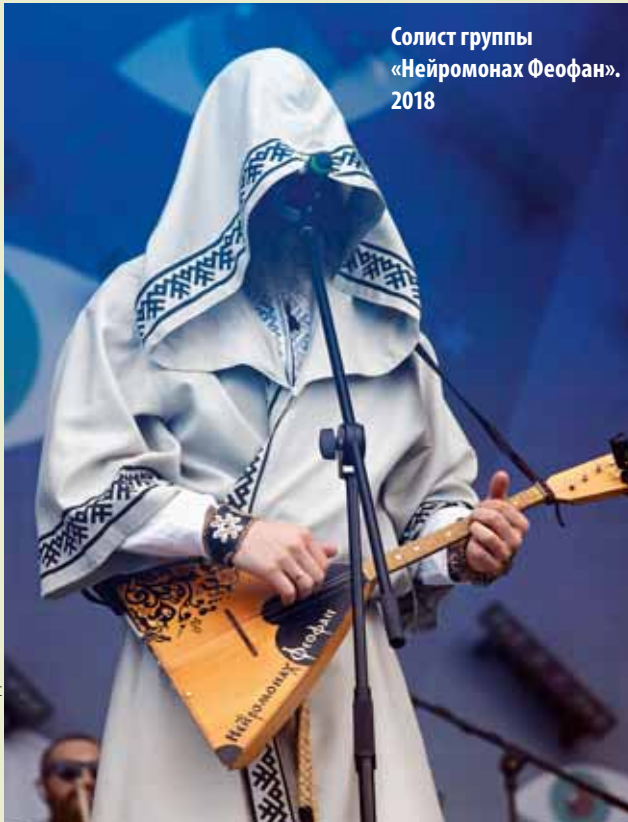
ных жилетах и лакированных ботинках.

Репертуар оркестра включал в себя обработки русских песен, вальсы, мазурки, полонезы, переложения популярных произведений отечественной и зарубежной классики. В России его выступления повсеместно сопровождал успех. После одного из концертов «Петербургский листок» писал: «Итак, вопрос о законности и пригодности балалайки как старинного российского инструмента практически разрешен утвердительно. Из сферы загнанности и забвения усовершенствованная балалайка вышла на музыкальную дорогу».

Никто даже не предполагал, чем в действительности завершится первый концерт Великоорусского оркестра за рубежом, ведь предстояло выступать перед взыскательной британской публикой, привыкшей к совсем иной музыке. К счастью, всякие опасения оказались напрасными.

После первого номера раздалась удивленные возгласы, зрители проявили шумное беспокойство. Но уже второй вызвал сдержанные, пока еще робкие овации. Постепенно публика оживлялась, а после исполнения «Эй, ухнем» принялась бурно рукоплескать. Песню повторяли на бис. По окончании концерта к Андрееву пришли английские музыканты, просили дать им ноты русских народных песен.

Заключительное выступление наших в Англии ознаменовалось триумфом. «При появлении оркестра на сцене в последнюю субботу раздалась нескончаемые аплодисменты, — вспоминал очевидец. — Пока Андреев раскланивался, он стоял буквально под непрерывным дождем цветов. Затем начались подношения. Театр гудел. Когда,

Солист группы
«Нейромонах Феофан».
2018

ФОТО: АРТЕМ ГЕОДАКЯН/ТАСС

Балалаечник-виртуоз
А. Архиповский

ФОТО: ВЛАДИМИР ПЕСНЯ/РИА НОВОСТИ

наконец, Андреев встал на возвышение и хотел начать свою программу, внезапно театральный оркестр заиграл русский гимн... Пятитысячная толпа неумолчно аплодировала во все время исполнения русского гимна, он был повторен три раза, когда, наконец, публика несколько успокоилась и стала занимать места. Андреев, обернувшись к публике лицом, начал играть английский гимн. На сцену полетели опять цветы. Весь театр пел, аплодисменты покрывали голоса и оркестр.

Великорусский оркестр с огромным успехом гастролировал по Франции, Германии, США. Вскоре ансамбли русских народных инструментов появились и на Западе. Андреев был избран почетным членом Французской академии искусств «за введение нового

элемента в музыку», награжден орденом Почетного легиона и Большой золотой медалью. На родине Василия Васильевича также не забыли. Ему пожаловали титул надворного советника, присвоили звание Солиста его императорского величества.

Композитор Антон Рубинштейн признавался: «Ничего подобного я не мог ожидать от балалаек. Эффекты, которые Вы извлекаете из них, поразительны. Трудно создать что-либо новое вообще, а в сфере музыки в особенности».

Нельзя не вспомнить и обращенные к Андрееву слова великого Шалаяпина, нередко выступавшего под аккомпанемент балалаечников: «Дорогой Василий Васильевич! Ты пригрел у своего доброго сердца сиротинку балалайку. От твоей заботы, любви она выросла в чудесную русскую красавицу, покорившую своей красотой весь мир»...

*Бродит темень по избе,
Спотыкается спросонок,
Балалайкою в трубе
Заливается бесенок:
«Трынь да брынь, да тере-рень...»
Чу! Заутренние звоны...
Богородицына тень,
Просияв, сошла с иконы...*

Эти строки принадлежат Николаю Клюеву. Конечно же, славили балалайку и другие русские стихотворцы. «Так перед праздною толпой / И с балалайкою народной / Сидит в тени певец простой / И бескорыстный, и свободный!» — восклицал когда-то Михаил Лермонтов. Федор Сологуб грустно зывал: «Балалайка моя, / Утешай-ка меня, / Балалаечка!» Юрий Визбор тоже не прятал чувств: «Я всю жизнь вам отдам, / Кроме балалайки. / У подружки моей / В струнах есть мечтания. / Я хожу вместе с ней / К милой на свидание».

Воспета она, само собой, и в наших песнях («Как войду, войду я в сени новые, заиграю я на балалаечка!»), увековечена в народных пословицах, загадках («Треугольник, три струны, звуки звонкие важны»), запечатлена на художественных полотнах.

В прошлом году возглавляемый народным артистом России Дмитрием Хохловым Государственный академический русский оркестр имени В.В. Андреева отметил 130-летие.

Зрители, которые, как и встарь, приходят на выступления оркестра, восхищаются бесподобным талантом исполнителей. В их репертуаре не только отечественная классика, но и такая музыка, которая с русским национальным инструментом вроде бы не вполне сочетается. Но струнам волшебной балалайки подвластны любые мелодии.

Остается лишь посетовать на то, что балалаечные напевы ныне редко можно услышать на широких русских просторах. Впрочем, возможно, ренессанс еще наступит.

Тайны операции «Оверлорд»

Валерий Шамбаров

В западной литературе осуществление летом 1944-го союзнической операции «Оверлорд» преподносится как чуть ли не решающая победа во Второй мировой войне. Хотя факты давно опровергли эту нескромную оценку. Переговоры об открытии второго фронта велись с 1941 года, а первые обещания на сей счет американцами и англичанами давались еще в 1942-м. И это было, судя по всему, заведомой ложью: даже задач разработать подобный план верхи США и Великобритании не ставили.

В АВГУСТЕ 1942-го была предпринята странная операция «Юбилей»: во Франции высадился полк канадцев, захватил порт Дьепп. Однако вторых эшелонов за десантом не оказалось, таковых вообще не предусматривалось. Вместо подкреплений через четыре часа боя десантники получили приказ эвакуироваться и потеряли 60 процентов личного состава. Зачем их бросили на смерть? Видимо, союзное командование хотело показать русским, что пыталось выполнить обещание, но это было слишком трудно.

вывался после Восточного фронта и был укомплектован на 75 процентов.

В командных кругах Рейха тоже было не все ладно. Заговор против Гитлера существовал с 1939 года, хотя уже давно подмечено исследователями: оппозиция лишь строила проекты устранения фюрера. При этом вовсю вела переговоры с западными державами об условиях мира, желая сохранить часть завоеваний и «свободу рук» на Востоке. А лучшим вариантом видела объединение вчерашних врагов исключительно против русских. Зачинщикам сочувствовал командующий Западным фронтом Рундштедт, в заговоре участвовал шеф абвера Канарис, об этом знал Гиммлер — часть изменников считала рейхсфюрера СС лучшим преемником на высшем посту нацистской Германии.

В мае 1944-го лидер оппозиции генерал Бек отослал в Швейцарию американскому резиденту Аллену Даллесу доклад, в котором оговаривалось, что война с СССР должна продолжаться. В штабе командующего группой армий «В» Роммеля, возглавлявшего оборону в районе Ла-Манша и также состоявшего в заговоре, уже выработывались условия перемирия: немцы отводят войска из Франции, Бельгии, Нидерландов, а британцы с американцами не оккупируют Германию; новое правительство Бека заключает мир с США и Англией и все силы бросает на Восток.

Отметим, что в это же время Рузвельт предложил союзникам принять совместное заявление: война ведется против гитлеризма, а не германского народа. Сталин поддержал, поскольку условие не мстить женщинам и детям выглядело справедливым. Но в свете генеральского заговора становилась очевидной грязная подоплека — по устранении Гитлера американцы и британцы получали повод для вступления в переговоры о мире с немцами.

В этом же контексте получают объяснение и многие загадки «Оверлорда». Фюрер еще с марта предупреждал: «Следите за Нормандией!» — и приказывал усилить этот участок фронта. Скрыть свои войска и 7000 кораблей союзники не могли, германская разведка докладывала: намечается высадка. Три месяца данное направление обрабатывала англо-американская авиация, рушившая на подступах к Нормандии железные дороги, мосты, склады. Однако руководство абвера почему-то полагало: донесения разведки

и бомбежки — не более чем дезинформация и прикрытие. Германцы ждали чужой десант не в Нормандии, а в районе Кале, в самой узкой части пролива (это был единственный участок, где полностью отстроили укрепления). Здесь же сосредотачивали основные силы и танковые резервы.

5 июня 1944-го радио «Би-би-си» выплеснуло поток условных сообщений о высадке для французского Сопротивления. Были созданы сильные помехи немецким радиолокационным станциям в Нормандии. Но Рундштедт и Роммель привели в боевую готовность лишь 15-ю армию, прикрывавшую участок близ Кале. А для 7-й (то есть находившейся в Нормандии) приказ о боеготовности был накануне отменен. Ее командующий Дольман вызвал всех командиров частей для штабных учений в Ренне — за 125 миль от побережья. Других офицеров отпустили в тыл на выходные. Между тем РАС германского флота

засекли армаду кораблей, двигавшуюся к нормандским берегам. Рундштедт отмахнулся: моряки, дескать, видели на экранах стаи чаек.

По отношению ко всем раскиданным во Франции контингентам противника союзники обеспечили себе превосходство в живой силе и в танках более чем вдвое, в авиации — почти в 23 раза. А уж на участке высадки численностью буквально подавляли. Действовали, однако, из

рук вон плохо. В ночь на 6 июня три дивизии парашютистов высадились далеко от целей, рассыпались по огромной территории. 101-я американская почти вся погибла или попала в плен. Причем сдавшиеся немецким постам десантники в четыре часа утра стали требовать отправить их в тыл. Открыто пояснили причину: через час начнется артиллерийская и авиационная подготовка.

Ураган снарядов и бомб случайно накрыл 6-ю британскую десантную дивизию, она, в отличие от американской, приземлилась кучно и задачу выполнила. Когда же с кораблей началась высадка войск, их встретил хаотичный и неорганизованный огонь — ведь у немцев не было командиров. Что касается наших западных «друзей», то они больше страдали от собственной паники, от своих же шквалов огня.

На пляже, обозначенном американцами как «Омаха», авиация и флотская артиллерия вообще не попадали по укреплениям. Промахи потом списали на

Д. Эйзенхауэр напутствует солдат
101-й воздушно-десантной дивизии. Вечер 5 июня 1944 года

туман. Считается, что корабли не подошли на нужную дистанцию из страха перед мифическими дальнобойными орудиями, а самолеты отбомбились в воду, поскольку летчики опасались зениток. Десантные баржи также отказывались входить в зону огня, выбрасывали пехоту далеко от берега, многие бойцы тонули. Шла совершенно беспорядочная пальба. Солдаты засели в воде за бетонными надолбами и не давали саперам их взрывать — чтобы не лишиться укрытий.

Один из участков обороняла рота чехов. Они не стреляли, желали сдаться, но затем, посоветовавшись, решили отступить — поняли, пока они сидят в окопах, американцы так и не выйдут на берег. На «Омахе» потери союзнического десанта составили 1700 убитыми и 3000 ранеными. На другом пляже, названном «Ютой», высадка прошла более успешно — его обороняли всего два взвода немцев (американцы потеряли около 700 убитыми и ранеными).

Германские гарнизоны молили о помощи. Но от командования получали приказы: не паниковать. Мол, это лишь отвлекающий десант, а главный удар ожидается в другом месте. В Бискайском заливе находились германские подлодки, и только небольшую часть из них послали к Нормандии. Ради скорости их погнали в надводном положении. Они стали легкими мишенями для союзных самолетов.

По основному плану обороны «Атлантического вала» предполагалось сразу же контратаковать бронетанковыми подразделениями и сбросить в море десантников, но резервная группировка из четырех танковых дивизий стояла ближе к Кале, где якобы ожидалась высадка. С тем, чтобы задействовать их в сражении, не спешили, только через несколько дней развернули в Нормандию. По дороге они растянулись и подверглись ударам авиации. Эти танки бросили в контратаки не единым кулаком, а разрозненно, по мере подхода.

Американцы и англичане к тому времени уже закрепились, плацдарм прикрывался орудиями флота. На

широких пляжах по танкам стреляли, как в тире. Разношерстная пехота из чехов, грузин, узбеков не горела желанием погибать за Гитлера, убивала немецких офицеров и сдавалась. И даже в таких условиях союзники не сумели выполнить задачи первой фазы операции «Оверлорд». Захваченный плацдарм оказался вдвое меньше намеченного.

1 июля за инициативы по заключению мира фюрер снял с должности Рундштедта. Роммель получил ранение. Обоих заменил Клюге, тоже состоявший в заговоре. Союзное командование вновь повело себя странно: взяло вдруг паузу, приостановило активные действия войск. Почему? Как выяснилось впоследствии, в Вашингтоне и Лондоне ждали вестей из Берлина. И те поступили 20 июля: состоялось неудачное покушение на Гитлера. Кстати, и здесь стоит обратить внимание на нюансы. Организацию и даже исполнение теракта заговорщики свалили на единственного человека — полковника Штауффенберга. Похоже, что тот был обречен в любом случае: даже при удачном раскладе предполагалось его уничтожить, а прочие оставались как бы ни при чем; вместо Гитлера к власти пришло бы новое правительство и вступило бы в переговоры с Западом.

Но фюрер уцелел, последовал разгром заговора. Лишь тогда союзники перешли ко второй части операции. На занятом плацдарме уже собралась миллионная группировка. Немцам взять подкрепления было негде — их дивизии погибали в Белоруссии, в котлах под Витебском, Бобруйском, Минском. 25 июля мощнейшая бомбардировка смела германские позиции у Сен-Ло, в прорыв хлынули 2000 американских и британских бронемашин. Союзный флот двинулся в Средиземное море и 15 августа произвел вторую высадку — на южном берегу Франции. Здесь сопротивление было совсем хилое. Победители наступали с двух сторон, без боя вошли в Париж. Германские части перемешались в хаосе, попадали в окружения. В плен взяли 200 000 человек.

Фронт рухнул. Чтобы как-то восстановить оборонительные порядки, немцы ставили в строй 15-летних мальчишек, отцов семейств от 50 до 60 лет. Отменяли брони по болезням. Могли ли юнцы с инвалидами остановить бесчисленные колонны танков, машин, пехоты? В сентябре 1944-го вся масса союзных армий вышла к границам Германии и на несколько месяцев остановилась перед жиденькой обороной, которую только-только начали создавать. Англо-американское командование объясняло: устали бойцы, растянулись коммуникации. Но фактически реализовались именно те условия, которые изначально разрабатывали немецкие генералы-заговорщики: союзники займут Францию и не станут вторгаться в Германию, а добивать нацистов и лить рекой кровь пускай-де продолжают русские.

ПОРТРЕТ АННЫ АХМАТОВОЙ

ФОТО: ВИКТОР ВЕЛИЖАНИН/ТАСС

Вдовствующая королева

Алексей Колобродов

Апологетика поэтов, в том числе тех, кто составляет золотой фонд русской литературы, не всегда бывает полезна. Порой она приводит к абберациям в массовом восприятии, искажает образ того или иного кумира, покрывает его мертво-холодными красками и оттенками. Ярким и вполне земным личностям прошлого необходимы — наряду с признанием их несомненных заслуг — «спорные» оценки, дискуссионные мнения, иной, отличный от «общепринятого» взгляд на их судьбы и произведения.

То же касается Анны Ахматовой. Сверхидеализацией в конце XX века образ поэтессы, кажется, не то что не приблизили к массам, а отдалили от них на значительное расстояние, сделали не то чтобы таинственно-загадочным — скорее, не подлежащим расшифровке. При этом вдохновенное творчество Анны Андреевны, конечно же, занимает в национальном сознании прежнюю, давно закрепленную за ним нишу.

В СЛИШКОМ знаменитом ее двустииши из поэмы «Реквием» — «А если когда-нибудь в этой стране / Воздвигнуть задумают памятник мне» — возможно, впервые в столь декларативной форме появляется фразеологизм «эта страна». Через много лет он стал визитной карточкой отечественных западников и прогрессистов, своего рода видовым признаком. Любопытно, что об «этой стране» (имея в виду США) говорит в «Крестном отце» Дон Корлеоне на историческом собрании глав мафиозных семейств.

В сей внезапной переключке между нашими либералами и родоначальником сицилийского клана — один из символических ключиков к феномену Анны Андреевны, чудесной поэтессы и главной страдальцы русской литературы. Нечаянной рифмой служит следующий эпизод: как гражданка СССР она впервые попадает за границу в 1964-м как раз на Сицилию, где получает премию «Этна-Таормина», называемую ныне Ахматовской. Прежде покидала пределы России последний раз в 1912-м. Расстояние — более полувека, а с учетом исторических контекстов — марианская впадина времени.

Кстати, в Таормине сегодня есть памятник Ахматовой: бюст, шаль, тонкая рука, на заднем плане — цветенье.

Что же касается «этой страны» (в границах Советского Союза), то памятников и мемориальных объектов задумано и воздвигнуто немало — и там, где Анна Андреевна настоятельно рекомендовала (в Санкт-Петербурге, через Неву от следственного изолятора «Кресты»), и там, где они появлялись вопреки ее рекомендациям:

*Ни около моря, где я родилась
Последняя с морем разорвана связь:
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня...*

В Одессе — барельеф и мраморная скамейка, в Пушкине (б. Царское Село) — скульптурный монумент у входа в Царскоесельскую гимназию искусств ее имени.

Однако в наши дни — время торжества всплывающих окон, друг друга отражающих тэгов и со всех сторон движущихся картинок — одних памятников для посмертной жизни художника, кажется, маловато. Национальный миф о Герое сегодня цементируется Сериалом. А если речь идет о великом русском писателе, то данный формат как нельзя лучше соответствует представлениям населения о литературе и ее творцах: щедро мифологизированная судьба (мужья, романы, расстрелы, войны, гугаги, сталины-ждановы, скитания-страдания, ежедневно проживаемые мемуары онлайн, трудные отношения с сыном, поэма без героя, но с Героиней, королевой сероглазого королевства etc) сливается с собственно творчеством — размытым и в общем необязательным фоном.

В Царском Селе. 1915

1965

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Как говорила сама Анна Андреевна, а затем повторял Иосиф Бродский — сплетни и метафизика. О соотношениях того и другого они ничего не сказали, но характерно, что «сплетни» неизменно идут первым планом, даже вопреки алфавиту.

Говоря совсем грубо, Ахматова много лет была замечательным, выдающимся, но не великим поэтом. При всех ее открытиях и достижениях в стихотворчестве она значительно проигрывала гениальным коллегам-современникам — талантом, уровнем осмысления, масштабом. Ну да, «нас четверо» (себя она уверенно плюсовала к Мандельштаму, Пастернаку,

Петербург. У Музея А. Ахматовой в Фонтанном доме

ФОТО: СВЕТАНА ХОЛЯВЧУК/ИНТЕРПРЕСС/ТАСС

Цветаевой), между тем закавыченный парфраз — весьма и весьма знаковый. Пастернак в двадцатые годы писал: «Нас мало. Нас, может быть, трое», — и свое место он видел в тройке с Маяковским и Цветаевой. Ахматова помимо себя добавила Мандельштама, а Маяковского вымарала — жест во многих отношениях сомнительный. А, извините, Есенин?

«Волков: Она оскорбилась, когда узнала, что Маяковский ее «Серголазого короля» пел на мотив «Ехал на ярмарку ухарь-купец».

Бродский: Обижаться на это не следовало бы, я думаю».

(Соломон Волков, «Диалоги с Иосифом Бродским»)

«Ее знаменитые любовные стихи, от которых все без ума, очень хороши, но и очень ограничены. Только к концу жизни она стала великим поэтом, но этого почти никто не понимает», — утверждал Бродский. Он же в своем стихотворении-некрологе к столетию Ахматовой чеканит дефиницию — «Великая душа» — куда более точную, чем снобистское изречение «почти никто не понимает». Иосиф Александрович знал и воспринимал Анну Андреевну в статусе поэтического гуру, живого памятника, любое слово которого,

слетев с уст, скоро застынет в камне. Однако учитель — это прежде всего популяризатор, странно требовать от преподавателя химии, чтобы он был Менделеевым или Лавуазье. Поэтому когда Ахматова объясняет молодому Бродскому, что для каждой большой вещи в поэзии необходимо придумать особый уникальный размер, она вовсе не собирается следовать собственным декларациям. Вот по-своему любопытный пример, для которого взяты стихи знаменитые и, что называется, продирающие («Реквием», 1935–1940):

*Это было, когда улыбался
Только мертвый,
спокойствию рад.
И ненужным привеском качался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под инами черных марушь.
А вот стихотворный набросок
«Победителям» (1944, Ташкент):
Сзиди Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «Берт».*

*Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки —
Ваньки, Васьки, Алешки,
Гришки, —
Внуки, братики, сыновья!*

Сходство — интонационное и эмоциональное — разительное, хотя посвящены стихотворения (как бы тут покоректнее выразиться) разным историко-идеологическим дискурсам. В «Победителях» уже заметны выгорание чувств и амортизация метода, а где-то на третьем плане (как и в «Реквиеме») — холодноватое самолюбование. Чуткий Александр Фадеев — вообще-то в те годы заступник и лоббист Ахматовой, ходатай по ее делам, причем не только литературным, выдвинул Анну Андреевну на Сталинскую премию в 1940-м — отрецензировал эти строки кратко и резко: «Так барыня кличет своих дворовых». В чем-то он предвосхитил несправедливые, политически гиперболизирован-

Памятник А. Ахматовой в Петербурге

ФОТО: АНДРЕЙ СИДОРОВ/ИНТЕРПРЕСС/ТАСС

ФОТО: ЕВГЕНИЙ АСМОЛОВ/ТАСС

**Санкт-Петербург.
Выставка «Анна Ахматова.
Мифология образа»**

ные, но эстетически пронизательные суждения тов. Жданова. Впрочем, последний, говоря о «блуде, смешанном с молитвой», просто-напросто хорошо помнил ранние стихи Ахматовой и сопровождавшую их критику, что само по себе любопытная черточка к портрету несгибаемого большевика.

Вместе с тем она была, безусловно, личностью интереснейшей и масштабной, даже на фоне выпавшего ей невероятного века. И если бы сериальная команда сумела хотя бы по минимуму воспроизвести этот драматически-великолепный сюжет скитаний хозяйки прекрасного и небольшого сероглазого королевства по пространствам и временам двух могущественных, жестоких и обреченных империй, то получилось бы не просто сильное кино, но прочная социокультурная и ролевая модель, впрочем, и сейчас повсеместно работающая.

«Я научила женщин говорить», — эта гордая констатация на сегодняшний день может быть расценена и как ироническое прозрение. Модель и психология отношений, презентация дамского интимного дневника, рассчитанного на самую широкую публику, уязвимость и победительность подобной стратегии — все эти открытия Ахматовой спустя почти столетие гротескно отразились, проагрейдились и в глянцевающей медиаиндустрии, и

ФОТО: ПЕТР КОВАЛЕВ/ИНТЕРПРЕСС/ТАСС

Могила А. Ахматовой в Комарово

«женской» рок-музыке. Шоу-бизнес с его сонмом однообразно отюнингованных певичек — многие из них никогда не слышали об Анне Андреевне — эксплуатирует и воспроизводит, по сути, ее модель и технологию.

Словом, режиссеру будущего сериала в плане фактуры в пору позавидовать. Ахматовская биография может быть легко разбита на четыре сезона — как минимум. А сколько открытий чудных готовит потенциальный кастинг, взяв хотя бы мужские роли — от Гумилева до Бродского...

Самое, однако, интересное то, что многосериальный фильм об

Анне Андреевне был снят в 2007 году и назывался «Луна в зените». Имя украинского режиссера Дмитрия Томашпольского широкой публике мало что сообщает, несмотря на обильную фильмографию, но актерский состав картины — вполне звездный: Петр Вельяминов (Борис Анреп), Юрий Цурило (Владимир Гаршин), Светлана Крючкова в роли самой Анны Андреевны (есть в фильме и молодая Ахматова — Светлана Свирко). Сериал не выстрелил, не прозвучал, даже впечатлительные ахматоведы не возбудились.

Во многом сконструированный ею при жизни и весьма дурновкусный посмертный культ давно сделался мишенью для скептиков и остроумцев. Вспоминается выдающийся по своим ревизионистским кондициям труд Тамары Катаевой «АнтиАхматова», изобретательно аргументированный аутентичными цитатами и ссылками на преимущественно лояльных по отношению к поэтессе авторов. Критика этой работы сводилась к ее объему: ну не может памфлет быть столь огромным и разветвленным. «АнтиАхматову» поддержал предисловием и общим продвижением Виктор Топоров, в свое время написавший блистательный литературный фельетон «Жена, ты девушкой слыла...» Институт литературного вдовства». Ахматова там — главная, но не единственная героиня. Топоров пишет, что означенная институция создана в оттепельные времена усилиями двух талантливых литературных дам — Надежды Мандельштам и Елены Булгаковой. «Рассуждая об институте литературного вдовства, я не касался его учредительницы... Я, понятно, имею в виду Анну Ахматову. Нет, не гумилевской вдовой она была в своем — невыговариваемом — статусе великой вдовы, и уж подавно не шилейкинской... Сказать, что Анна Андреевна ощущала и пода-

РОДНОЕ СЛОВО

вала себя вдовой Пушкина, значит, выговорить половину правды. И Пушкина тоже. Конечно, и Пушкина. Но и вдовой Блока — вопреки его явному безразличию... Открытие Ахматовой заключалось в том, чтобы осознать и объявить себя вдовой всей русской литературы сразу!» — мысль остроумная и точная, лучшей характеристики выдающихся талантов в области имиджмейкинга и PR подобрать трудно. Еще интереснее другое утверждение Топорова, которое он формулирует со ссылкой на Александра Жолковского: «Диктату сталинизма и лично Сталина может более или менее успешно противостоять (а значит, на свой лад адаптироваться к режиму со всеми его ужасами и мерзостями) только человек сходного со Сталиным личностного типа, то есть не чуждающийся ни в жизни, ни в профессиональной деятельности сталинских методов, включая репрессивные, хотя, разумеется, на собственном — чаще всего символическом — уровне».

Оставим эту глубокую и богатую мысль в качестве тезиса. Заметим лишь, вслед за Топоровым, что никакого развенчания Ахматовой в подобных рассуждениях нет, и даже на поверхностном уровне ее социальная роль — морального противостояния диктатуре — заслуживает серьезнейшего внимания и уважения.

В заключение приведем еще две цитаты — о том, как через десятилетия в контексте противостояния и преодоления сближаются художники, которых вместе можно представить разве что в каком-нибудь сюрреалистическом опусе:

«В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от собственного нам всем оцепенения и

З. СЕРЕБРЯКОВА. «ПОРТРЕТ А. АХМАТОВОЙ»

Н. ТРЕТЬЯКОВА. «АХМАТОВА И МОДЛЬЯНИ»

спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом».

Это — Анна Ахматова, предисловие к «Реквиему».

«Как-то Сочан стоял в одной клетке со мной. Его должны были везти на приговор. Но, проведя через медосмотр и шмон, объявили, что подымут наверх, суд не состоится. Сочан вдруг сказал мне серьезно: «Ты напиши за нас, Лимон. Чтоб люди знали, как мы тут. Напиши. Мы-то не можем. Ты — умеешь». Прокурор уже запросил к тому времени ангельсовской группе два пыжа. Один пыж — Хитрому, и один — Сочану. «Ты напиши за нас», — звучит в моих ушах.

Много их сильных, веселых и злых, убивавших людей, прошли мимо меня, чтобы быть замученными государством...

Ты видишь, Андрей Сочан, я написал о тебе. Я обещал».

А это — Эдуард Лимонов и его книга «По тюрьмам»...

Фрекен Татьяна

ФОТО: ВАСИЛИЙ МАЛЫШЕВ/РИА НОВОСТИ

1951

За долгие годы к артисту, даже выдающемуся, привыкаешь настолько, что он представляется неизменной фигурой культурного ландшафта. По инерции — радуется, однако ничуть не удивляет. Давно ушедшая от нас, но постоянно встречаемая в хороших советских кинофильмах Татьяна Пельтцер поначалу была непременной экранной мамой, потом — бабушкой. Добрая, сердечная, смешная, она буквально влюбляет в себя. Нельзя гарантировать, что любой зритель с этим солидаризируется (любовь — вещь субъективная), но можно пообещать: скучно с Татьяной Ивановной никогда не было и не будет.

Николай Ирин

МАРК Захаров, худрук «Ленкома», где актриса проработала полтора последних десятилетия, забавно подытожил самые разные — от досужих до профессиональных — разговоры о ней: «Татьяна Ивановна Пельтцер воплотила народную мечту о несокрушимой старости».

Давно стало общим местом подчеркивать: никто не запомнил ее молодой, а то, что у нее когда-либо был отличный от пожилого возраст, никем не доказано. Хотя и начала она играть на сцене еще в детские годы, долгое время пребывала в безвестности. Когда же стала появляться на экране (в 1950-е), в сознании постановщиков и зрителей перевешивал все остальное образ пожилой женщины неумного темперамента. И тем не менее даже первая звездная роль, образ Лукерьи Власьевны Похлебкиной из экранизации нашумевшего спектакля Театра Сатиры «Свадьба с приданым» (1953), не закрыла дорогу к материалу иного рода. Так, в легендарной «Укротительнице тигров» (1955) Эмми Степановна — хотя и мама главной героини, однако весьма миловидна, а в своем финальном появлении даже роскошна. Моложавая

«Руки вверх!»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

С каждой новой строчкой биографии и с каждым следующим фото она нравится больше и больше. Пускай тут нет упоминаний о великих творческих свершениях или восторженных похвалах мэтров — тем лучше. Взрослея, Татьяна не превращается в «эталон успешности» (как любят почти все молодые таланты), даже сигаретка в руке выглядит на фотографии скорее задорно, чем порочно. Кажется, она существует в состоянии потока. Ничего специально не выбирала, никаким внешним силам не противодействовала, дышала полной грудью и жила вполне себе радостной жизнью, впитывая попутно художественные впечатления. Ак-

терское тщеславие? Вряд ли оно сильно мучило. Встретив и полюбив в далеком 1926 году немецкого философа-коммуниста Ганса Тейблера, Татьяна легко согласилась на переезд в Берлин. Муж там работал инженером на автомобильном заводе, а жена, недолго думая, поменяла профессию, устроилась машинисткой в советское торгпредство. Легкость в мыслях и поступках — необыкновенная. Много позже тот же Захаров восхищенно про нее обмолвится: «Татьяна Ивановна никогда не наигрывала». Иначе говоря — не подражала живому, непредсказуемому бытию, а двигалась и дышала синхронно с ним.

гранд-дама задумывается вслух, как бы на публику: «А может, и мне тряхнуть стариной начать танцевать на лошади?!»

Сохранились семейные фотографии: молодая Татьяна Пельтцер элегантна на всех, а кое-где просто ослепительна. Немка по отцу, еврейка по матери, советская по воспитанию, она воплощает эмансипированную, полную достоинства, ума и энергии горожанку эпохи цивилизационного перелома. Отец, выпускник Московского театрального училища, ведущий исполнитель в знаменитом театре Корша, дочку к искусству приохотил рано: в 9 лет — первый выход на сцену, в 10 — первый гонорар, а еще через пару лет — зачисление в антрепризу Николая Синельникова.

Ранняя и успешная профессионализация не дает возможности получить системное актерское образование. Татьяна меняет труппы, мотается по стране: Передвижной театр политуправления Красной Армии, драмтеатры в Нахичевани и Ейске, труппа Корша (теперь вызывающе, в революционном духе переименованная в «3-й театр РСФСР. Комедия»), наконец, Театр имени МГСПС — тот, что со временем превратится в Театр имени Моссовета.

ФОТО: ИТАР-ТАСС

«Деревенский детектив»

Кому-то, возможно, захочется укорить ее за измену с командированным в Германию советским инженером — на склоне лет актриса рассказала правду о причине возвращения в СССР друзьям-коллегам по «Ленкому». Супруг вроде бы нашел записку, где любовники договаривались о тайном свидании и, позабыв о том, что для активистов Коминтерна общее дело должно быть важнее личного, выставил изменницу из квартиры с одним чемоданом. Она больше никогда не выйдет замуж, хотя, по словам знакомых, будет иметь множество романов, в том числе с мужчинами намного моложе себя.

Почему-то нет ни малейшего желания шарашаться от невыносимой легкости бытия в ее изобретательном исполнении. Как утверждал противостоявший Фрекен Бок Карлсон в спектакле Театра Сатиры: «Пустяки, дело житейское». В голосе и повадках Татьяны Ивановны всегда столько задора, вызова всякого рода унынию, что не приходится сомневаться: она не имела склонности как-либо преувеличивать собственную значимость, вовсе не мечтала становиться на котурны. Даже в самых поздних ролях — темпераментное, восторженное принятие жизни вкупе с самоиронией.

Хочется выбрать из ее многочисленных киноработ роль эмблематичную, полностью характеризующую, причем в пределах небольшого метража. Наверное, в этом плане подходит экранизация Виктором Эйсымонтом прозы Николая Носова. В «Приключениях Толи Клюквина» (1964) актриса играет активную городскую старушку Дарью Семеновну, дважды становящуюся жертвой неумного мальчишки: сначала он пугает ее из-за угла игрушечным пистолетом, вынуждая выронить бутылку кефира, затем, демонстрируя детворе волейбольную подачу, разбивает окно. Что делает со своей ролью Пельтцер? С легкостью находит внутри себя не менее шкодливого ребенка. С непередаваемой интонацией, в режиме пластического гротеска разбивает об асфальт вторую бутылку, а некоторое время спустя ловко выбирается из окна первого этажа, чтобы захватить злоумышленника в плен. Это поведение ей

СТОП-КАДР

удивительно идет. Противостоящий героине мальчик всем хорош, обаятелен, однако Пельтцер умудряется наварить обаяния никак не меньше, изобразив достойную партнершу по сомнительного свойства забавам.

И когда, вроде бы испугавшись за здоровье загнанного под колеса автомобиля, но отделавшегося легким испугом парнишки, Дарья Семеновна приглашает его раз за разом возвращаться во двор, под ее окна, закрадывается подозрение: подлинной задачей старушки было не наказание обидчика, а принуждение к дальнейшему, уже довольно умеренному хулиганству. Актриса демонстрирует свойственные ей черты озорной, взбалмошной затейницы, любительницы непредсказуемых приключений. «Она все время провоцировала

«Приключения желтого чемоданчика»

скандалы на репетициях, это был ее метод работы», — утверждает Александр Ширвиндт. «Она нагнетала и нагнетала обстановку, а потом, взвинченная, бежала на сцену», — отмечала Ольга Аросева.

Пельтцер говорила правду в глаза, и это некогда спровоцировало еще одного замечательного партнера, Бориса Новикова, в сердцах и с непередаваемым на письме говорком воскликнуть: «Татьяна Ивановна, вас же никто не любит! Ну, кроме народа».

«Она была такая боевая, шустрая была!» — отзывается посвятившая ей два десятилетия жизни домработница. «Она была не паинька, — вспоминает с улыбкой Вера Васильева и, на манер Новикова, добавляет: — Она купалась в славе!»

Марк Захаров называет ее «искрящейся женщиной», вспоминая, как на далекой шахте, куда московские артисты приехали с шефским концертом, простоватые труженицы разных возрастов плакали навзрыд оттого, что могли постоять рядом, прикоснуться или даже перебраться словечком. Что это за психотип? Почему ее, любительницу изысканных нарядов, импортных сигарет и многочасового преферанса «на интерес», выделяли из всех, признавали своей люди совершенно другой выучки, иного социального статуса?

Дело опять-таки в отсутствии «наигрыша». Татьяна Ивановна не была пленена натурализмом, не страдала

чрезмерным почтением к чужим внешним и внутренним формам. Играя любую роль, шла от себя. Не подражала кому-либо, а добивалась законченного художественного воплощения, применяя собственного изобретения прием. На него очень точно указала критик Дая Смирнова: «Она играла форсированно, на ахах и вздохах набирая кураж». То есть, не выученная традиционному методу игры, Татьяна Пельтцер взяла себе за правило напрямую претворять энергию своего, возможно, намеренно подстегнутого раздражения в гиперактивность сценического либо экранного образа.

В начале 1930-х, по прибытии из Германии в Советский Союз, актриса возвращалась в Театр МГСПС (МОСПС), но через три года ее уволили за «профнепригодность». В чем причина — в избыточном энергетическом потенциале или же в несоответствии художественной программе руководства? Как бы там ни было, случай в нашем артистическом мире нечастый — опытного, явно талантливого исполнителя, как говорится, выперли вон. И что же Пельтцер? Устроилась машинисткой на завод, где главным инженером работал ее родной брат. Кто-то из современников Татьяны Ивановны заметил, что печатала она медленно и с ошибками. Поэтому закономерно впоследствии последовало возвращение на подмостки: Ярославский драмтеатр, даже Московский областной колхозно-совхозный... Службу на театральной периферии жизненным провалом она наверняка не считала. Личность с длинной волей и долгим дыханием, Татьяна Пельтцер аккумулировала там творческую энергию.

Далее — снова Театр имени Моссовета, затем Московский театр миниатюр, где как раз и оформилась ее острохарактерная манера, еще позже — Театр-студия киноактера, Театр Сатиры, Театр имени Ленинского комсомола. Она все набирала и набирала обороты, причем в том возрасте, когда

выдающиеся коллеги, почивая на лаврах, тиражировали прежние достижения, культивировали пусть выдающиеся, но все-таки штампы. Из Театра Сатиры, где прослужила ровно 30 лет и стала символом, знаменем и первой в его труппе народной артисткой СССР, ушла к любимившемуся — в период совместной работы над спектаклем «Доходное место» (1967) — Марку Захарову. А перед этим яростно заспорила во время репетиции с главным режиссером Валентином Плучеком и стремительно выпорхнула из зала...

Между тем ее игра свидетельствует: будто бы не в меру порывистая актриса знала тайну равновесия. Не занимаясь коллекционированием эмоциональных всплесков — этим грешат в театре и кино многие замечательные комеди — «веселая, добрая старушка» неизменно выдавала яркий, хорошо считываемый рисунок роли. «У Петрарки своя тетушка была!» — призывает истеричного, расходующего силы души на любовь к абстрациям юношу ее безукоризненно конкретная героиня в «Формуле любви» (1984). Последующее требование отбить у графа Калиостро девушку сродни настоящей просьбе Дарьи Семеновны из «Приключений Толи Клюквина» возвращаться под ее окна для продолжения дерзких игр.

Татьяна Пельтцер играла, как правило, тех, кто противится лицемерию. Блистательно умела «юродствовать». Но в случае необходимости тонко и убедительно выражала не придуманную, не показную заботу: о непутевом до поры сыне, как в дилогии про солдата Ивана Бровкина, о чересчур деловом муже, как в картинах про милиционера Анискина.

«Ну, что ж, Фрекен Бок никогда не боялась тяжелой работенки!» — включалась в воспитательный процесс ее самая бескомпромиссная героиня. Пусть персонаж по сюжету отрицательный, Пельтцер вывела на первый план то, что всегда отличало ее саму, и корректировала образ. Полная вовлеченность в жизненную стихию даже Фрекен Бок превращала в даму, которая для нас, зрителей, чрезвычайно интересна.

Татьяна Ивановна пронизательно заменяла бесхребетную «задушевность» — ее обычно педалируют в ролях простаков — стоической готовностью отвечать на вызовы судьбы. Именно эту, весьма тонко осуществленную, подмену даже самые непритязательные зрители с восторгом замечают и именно за нее сердечно благодарны актрисе: плакать-жаловаться — проще, улыбаться наперекор сторонним вызовам — достойнее.

«Солдат Иван Бровкин»

Трапезная

ФОТОГРАФИИ: PHOTOXPRESS

Котлета с секретом

Максим Сырников

Слово «котлета» пришло в наш язык из французского в XVIII веке и с тех пор означает, мягко говоря, не совсем то, что привыкли понимать под ним потомки галлов. По определению «côtelette» должна готовиться из куска мяса на ребрышке, за которое ее удобно держать во время еды. Блюда с тем же названием из фарша, мелко нарубленных продуктов — особенность нашей отечественной кухни. Тем более когда речь касается рыбной котлеты, да еще и с начинкой. В качестве набивки русские повара нередко используют сыр (так, например, делается в московском Донском монастыре), мы же немного изменим рецепт и поместим внутрь творог.

ФАРШ — лучше всего из трески — сделаем вручную, чтобы он был сочным и сохранил текстуру рыбы. Измельчив ее большим кухонным ножом, смешаем с замоченным в молоке, а затем отжатым хлебом. Посолим, поперчим и вновь все размешаем.

Для начинки разогреем в сотейнике сливочное масло. Бросим туда мелко порубленный чеснок и подержим на медленном огне до появления характерного аромата. Затем добавим щепотку паприки и прогреем с чесноком. Полученную смесь перельем в творог, все это подсолим и тщательно перемешаем. Нарубим петрушку.

Ловкими движениями рук формируем котлету, панируем ее и обжариваем на сковородке до румяности. Доводить блюдо до готовности нужно 15 минут в духовке.

Рыбная котлета

На 2 порции:

- * 300 г филе трески
- * 50 г домашнего творога
- * 50 г белого хлеба, замоченного в молоке
- * Соль
- * Молотый белый перец
- * Паприка
- * 30 г сливочного масла
- * Несколько веточек петрушки
- * Панировочные сухари
- * Масло для жарки

К. САВИЦКИЙ. «ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ», 1897

Своей

ИЮНЬ 2019

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Нарциссы